

9/10/14
E45

368834 +

Семперина И.

Кремлевская...

1803

15-00

19.02.79	Семперина И.
22.03.79	Васильева И.
29.11.79	Мухоморова
24.12.79	

368834

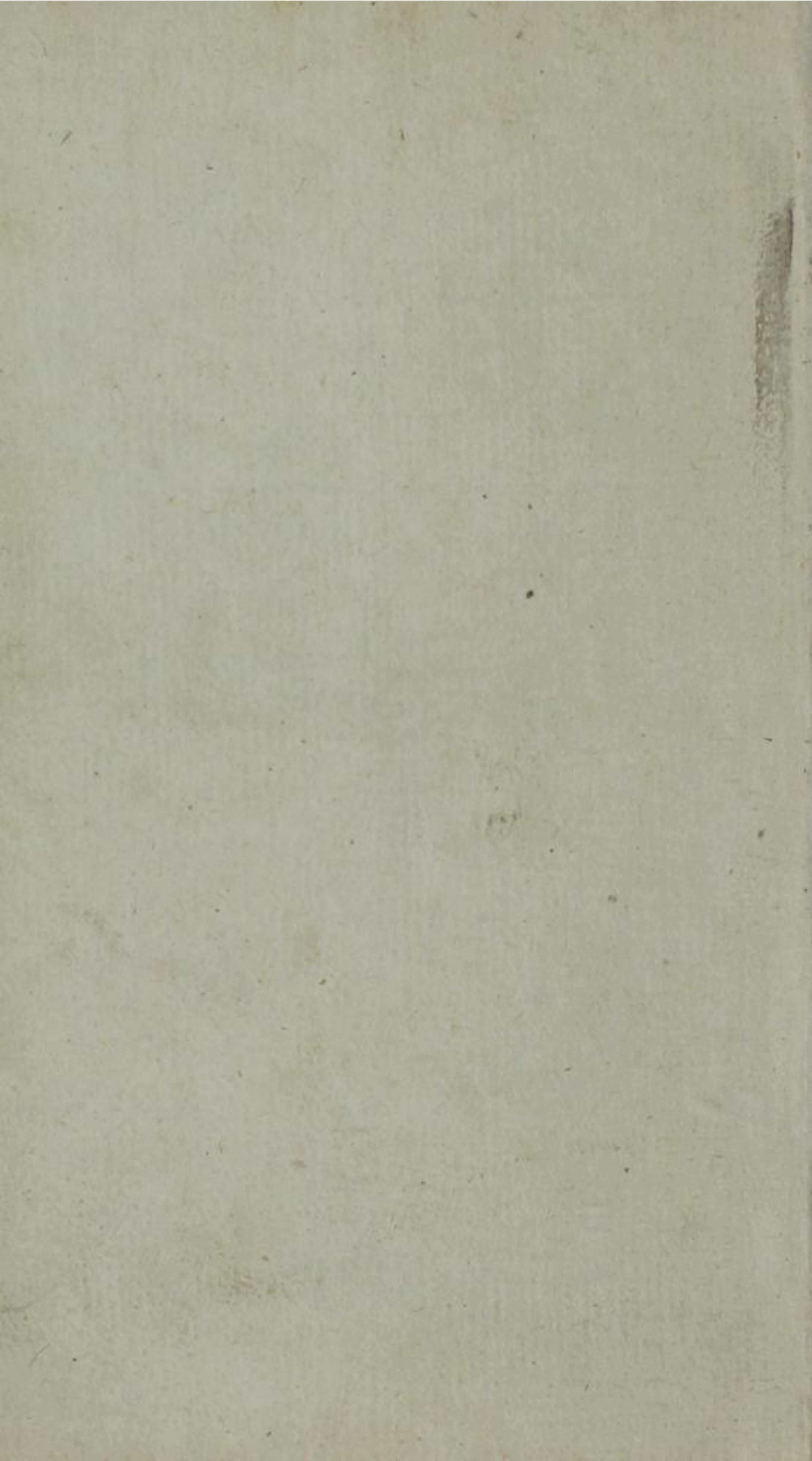
XVII

3402

Wm. Thomas Hobbes

of Brighthelmston

No: 194th

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПЕРЕПИСКА
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II

съ Докторомъ Циммерманомъ,

съ 1785 по 1792 годъ.

Переводъ съ Французскаго подлинника.

Цѣна 1 р. 70 к. безъ переплеша.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Гражданскаго Губернатора.

Въ Санктпетербургѣ,
въ Императорской Типографіи,
1803 года.

9(4)14

1/3

ET45

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЕТОСР
НАРНИ БА-СЭТКЯ СЭНСА
№ 368834

✓+

П Е Р Е П И С К А
И М П Е Р А Т Р И Ц Ы
Е К А Т Е Р И Н Ы ІІ.
съ Докшоромъ Циммерманомъ.

П И С Ъ М О І.

Отъ Императрицы.

Петербургъ, 22 Февраля 1785.

Государь мой!

Я получила ваше письмо отъ 28
Генваря, коимъ увѣдомляете меня
о полученіи посылки, доставлен-
ной къ вамъ чрезъ моего Министра
въ Гамбургъ (*). Вы даже и не

(*) Первое письмо Циммермана къ
Императрицѣ, на которое симъ
отвѣщено, заключало въ себѣ

думаете о благодарности, ко-
рою я вамъ должна. Сначала боя-
лась было я раскрыть вашу книгу,
(о уединеніи), пошому чшо, судя
по ея названію, опасалась, чшобъ
она не усилила во мнѣ иппохондрію,
къ копорой я и безъ шого нѣ-
сколько мѣсяцовъ чувствовала въ
себѣ склонность; но сія книга
болѣе, нежели чшо другое, ошано-

его благодарность за полученный
подарокъ. — Въ началѣ 1785 года
Императрица послала ему бога-
тый перстень и медаль съ своимъ
портретомъ, написавъ при шомъ
собственноручно: Королевско-Вели-
кобританскому Надворному Совѣш-
нику и Лейбъ - Медику господину
Циммерману, изъ благодарности за
многіе хорошіе рецепты, пропи-
санные имъ человѣчешву въ книгѣ
его о уединеніи. —

вила и попомъ уменшила дѣйствіе онья. Въ сей книгѣ есть сила и величіе и красота души. Судя по дѣйствию на меня *сей драгоценной книги*, думаю, что она можетъ быть лучшимъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ. Всякой хорошей Докторъ долженъ бы вписать ее въ реэспрѣ своихъ рецептовъ, и часто былабъ она полезнае многихъ лѣкарствъ, къ копорымъ я ни сколько не расположена, что можетъ вамъ подтвердить вашъ пріятель Вейкардъ, и годовой счетъ изъ аптеки собственено на мою особу, рѣдко бываетъ больше придачи шиллинговъ. Хотя газеты и пишутъ обо мнѣ, что я умерла, умираю, нахожусь при послѣднемъ концѣ жизни и хвора, однакожъ по сіе время

ничего этого не бывало. И такъ, когда я желала, чшобъ вы сюда прїѣхали, то сіе желаніе опнюдь не опъ того происходило, чшобы воспользовашься какими врачебными совѣшами, но чшобъ узнать челоѡка разумнаго, одареннаго необыкновенными способностями и съ свѣденіями. Вошъ какова я объ васъ мнѣнія, Государь мой. *Общій нашъ прїятель*, покойный Князь Орловъ, и многіе другіе, не мало къ тому способствовали, а болѣе всего ваши сочиненія. Опкровенность и чистосердечіе, пѣняющіе въ вашихъ письмахъ, конечно умножили во мнѣ желаніе васъ видѣть поближе. Но какъ я вижу, чшо вы не можете опважись на безпокойства столь долговременной ѣзды, не подвергнувъ опа-

сноспи своего здоровья, а побѣдка моремъ моглабѣ имѣшь также свои слѣдствія, то и совѣщусь просишь васѣ о семѣ еще, шѣмѣ болѣе, что можетѣ бышь жизнь большой части вашихѣ больныхѣ зависитѣ единственно отѣ искусства вашихѣ отѣ нихѣ попеченій; да и здѣсь, хопя ни слова не скажу о медицинѣ, другіе не приминущѣ докучащѣ вамѣ своими вопросами, и слѣдовашельно лишашѣ васѣ того благоденствія, вѣ копоромѣ я желала бы васѣ видѣшь. И шакѣ, надежнѣйшее для васѣ предпочипаю, *хотя сѣ сожалѣніемѣ*, удовольствію васѣ видѣшь, Государь мой, *сколькобѣ я того ни хотѣла*. Будьте здоровы и наслаждайтесь вѣ полной мѣрѣ славою, пріобрѣшенною вашими шаншами. Я же *удоволь-*

ствуюсь и шѣмѣ, что буду писать
къ вамѣ отъ времени до времени,
когда случай къ тому представ-
вится. Прощайте.

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО II.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 29 Марша 1785.

Всемилоспивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величе-
ство письмомѣ, коимѣ меня
изволили удоспоишь, разпроспра-
нили новую пріятность въ жизни
моей. Оно разсѣяло всѣ облака,
помрачавшія оную. Оно заспавило
меня, еспѣли смѣю сказать, за-
бышь даже, что я не въ Пешер-

бургѣ, ибо душа моя безпрестанно шамѣ пребываетѣ.

Несказанно радуюсь, что въ двухъ первыхъ помахѣ сочиненія моего *о уединеніи* сказалѣ, не зная того, нѣчто пріятное для Вашего Императорскаго Величества.

Я думалѣ, что въ сихъ книгахъ показалѣ только шипы уединенія, а розы видны уже въ прешьемѣ и чешверпомѣ помахѣ. Но Ваше Величество изволили предвидѣть, что я скажѣ намѣренѣ. Вы чувствовали, что буду говорить къ сердцу человѣческому, и тогда названіе моего сочиненія не предспавляло уже ничего спрашнаго.

Святому Антонію весьма безпокойнобѣ было въ комнатахъ Вашего Величества въ Ермишажѣ.

Но еспьли удостоише посшавишь шамь мою книгу, шо я почшу себя счаспливѣйшимь смершнымь. Не безпокоя Ваше Величештво печальными мыслями, надѣюсь и льщусь, чшо совѣты мои о уединеніи изволише приняшь неиначе, какь лѣкарешвомь ошѣ печали.

Сочиненіе мое оппечашано будешь совсѣмь черезь двѣ недѣли. Коль скоро получу оноє, шо экземплярь для Вашнего Величештва опправлю кь господину Гроссу, и попрошу его досшавишь оный вь Пешербургь, сколько возможно скорѣе. Ни одна еще жершва не приносима была олпарю сь чувсшвишельнѣйшимь и благодарнѣйшимь сердцемь, сь каковымь повергаю сію книгу кь стопамь Вашшего Величештва.

Я понялъ, такъ какъ должно, сдѣланное мнѣ всемилоспивѣйшее приглашеніе Вашего Императорскаго Величествва, прїѣхать будущимъ лѣпомъ на нѣскольکو времени въ Пешербургъ. Зналъ я, что Вы исволише наслаждашья совершеннымъ здравіемъ. Зналъ и то, что Вамъ благоугодно токмо усугубишь благоденствіе, изліянное Вами на все бытіе мое. Съ одной спороны я восхищался прїяпноу и величеспвенною мыслію, видѣшь себя у Вашего Величествва, и имѣшь смѣлосшь говоришь Вамъ все, что думаю и чувспвую; съ другой же предвидѣлъ я всѣ неудобспва шаковой поѣздки для слабаго моего сложенія и для бѣдныхъ нервъ моихъ. Однакожь я было совсѣмъ рѣшился. Еспь-

либѣ Ваше Императорское Величество не извѣявили сего крош- каго снизхожденія къ моимъ опасе- ніямъ, еспьлибѣ Вы изволили на- спояшь въ приглашеніи всемило- спивѣйше мнѣ сдѣланномъ, тогдабѣ сообщивъ о томъ въ Лондонѣ, не преминулъ бы я опсправиться въ Пе- тербургѣ, хошябѣ на вѣрно зналъ, что *у мру въ дорогѣ*. Но какъ Ваше Величество письмомъ, испол- неннымъ сладчайшаго челоуѣколю- бія, и всемъ шѣмъ, что только когда нибудь низпосылалось съ пре- спола божественно любезнаго, воз- вращаете мнѣ *свободу*, то цѣлуя благошворительную Вашу руку, по- вергаюсь предъ всемъ Величе- спвомъ Вашимъ со слезами чув- спвительнѣйшей благодарности.

Узнавъ отъ Вашего Величества, что покойный Князь Орловъ говорилъ Вамъ обо мнѣ съ поличкимъ благорасположеніемъ, не могу удержаться, чтобъ не сказать Вашему Величеству нѣсколько словъ о семъ единственномъ чловѣкѣ. Не успѣлъ я видѣться съ нимъ четверть часа, какъ уже сердце мое и было ему предано. Его опкровенность, дружелюбіе, простосердечіе, проницательность, сила и крепость заставили меня забыть существовавшее между обоими нами различіе. Я былъ его другомъ, прежде нежели онъ оспавилъ Ганноверъ, а въ Ембсѣ, гдѣ былъ я у него съ утра до вечера цѣлыя четыре недѣли, онъ сдѣлался моимъ. Я видѣлъ какъ сей великій чловѣкъ плакалъ, обни-

мая меня, когда я ему сказалъ, что не могу по его желанію проводитьъ съ нимъ жизнь мою. Кончина его заставила меня пролить споль же слезъ, сколько я пролилъ на гробъ любезнѣйшаго друга; и когда въ кабинетъ одного Нѣмецкаго принца увидѣлъ я медаль, копорую Ваше Величество изволили приказать выбить въ честь ему, по случаю прекращенія имъ въ Москвѣ моровой язвы, по выслушавъ переведенныя мнѣ сіи удивительныя слова: *И Россія такихъ свиновъ имѣетъ*, сказалъ я: никогда еще на шаковыхъ памяшникахъ не было надписи благороднѣе, простѣе, величественнѣе и справедливѣе!

Не могу окончить сего письма, копорое пишу по внушенію чув-

спвованія, не признавшисьъ Вашему Величеству, что я весьма радъ получивъ отъ Васъ средство опровергнуть съ большею еще силою по слѣпое бѣшенство, съ копорымъ распространяютъ нелѣпѣйшія сказки о Вашемъ здоровьѣ. Прошедшаго года по свидѣтельству добраго, любезнаго и счастливаго моего пріятеля Вейкардта, имѣлъ я благопріяшныя случаи говоришь, что все рассказываемое по сему предмету есть вымыселъ и ложь, а при томъ буду непрестанно высылать усерднѣйшія молитвы, чтобъ здоровье Вашего Величества никогда не испортило Вамъ въ годъ больше тридцати шилинговъ.

Во все печеніе моей жизни не пройдетъ ни дня, ни часа, въ которые сердце мое не повергалось бы

предъ Вашимъ Величествомъ,
душа моя не возвышалась шѣмъ
благополучіемъ, коимъ Вы меня
удосшоивашь изволише. —

П И С Ь М О III.

О ш ъ И м п е р а т р и ц ы .

Петербургъ , 9 Маія 1785.

Государь мой!

Я получила пріятное ваше письмо
опѣ 29 Марша. Радуюсь увидя изъ
онаго, что мое письмо разогнало
облака васѣ окружавшія. Оно нѣ-
копорымъ образомъ оказало вамъ
такую же услугу, какую я имѣла
опѣ вашей книги; шипы, копорые
вы мнѣ показали, вывели меня изъ
уединенія, куда я около девяти
мѣсяцовъ почти совсѣмъ заключи-
лась, и опкуда насилу вышла. Вы

конечно не догадаешься, чѣмъ я шамъ занималась; для рѣдкости дѣло оное вамъ расскажу. Я прогоняла мою скуку вздоромъ, до сей поры неслыханнымъ. Я сочинила реэспрѣ двумъ или премъ шамъ коренныхъ словъ Россійскаго языка, кои велѣла перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько ихъ найши могла, и число оныхъ превосходишъ уже вшорую сошню. Каждый день брала я одно изъ сихъ словъ и писала его на всѣхъ языкахъ, какіе только могла набрать. Опъ сего узнала я, что языкъ Цельшовъ походитъ на языкъ Оспяковъ. Что слово, означающее на одномъ языкѣ Небо, значитъ на другомъ облако, шуманъ, сводъ. Что слово Богъ на многихъ нарѣчіяхъ означаетъ всевысочайшаго

или благаго, а на другомъ солнце, или огонь. Прочитавши книгу *о уединеніи*, сія забава мнѣ наскучила. Но какъ при всемъ томъ жаль бы мнѣ было кинуть въ огонь споль большую кучу бумаги, при томъ же залъ, длиною въ десять сажень, въ кошоромъ я жила вмѣсто кабинета въ моемъ Ермишажѣ, былъ и безъ того довольно шепелъ, то я велѣла позвать къ себѣ Профессора Палласа, и признавшись ему искренно въ семь грѣхѣ, оба вмѣстѣ наконецъ положили напечатать сіи переводы, и чрезъ сіе сдѣлають ихъ полезными желающимъ заниматьскукою другаго; для произведенія сего въ дѣйство ожидаемъ шолько нѣкошорыхъ нарѣчій восточной Сибири. Увидиць ли шуть кто, или не увидишь

объясненіе на многіе предметы, сіе будетъ зависѣть отъ расположенія ума тѣхъ, кто онымъ займется, мнѣ же до того никакой нѣтъ нужды. Можетъ бытъ сіе собраніе словъ произведетъ чудо, похожее на то, которое свяшій Антоній вашего сочиненія произвелъ надо мною. Весьма буду рада обѣщаннымъ мнѣ вами двумъ помамъ сей прекрасной книги; не нужно мнѣ сказывать вамъ, какъ ихъ уважаю; надѣюсь, что вы въ томъ увѣрены. Не забудьте пожалуйста, что все сіе должно служить оповѣщомъ на ваше письмо, и что я теперь дошла до того мѣста, гдѣ вы говорите о моемъ Князѣ Орловѣ столь чувствительно, и столь сообразно съ моими мыслями. Да, государь мой, вы

♀

шочь вѣ шочь описали сего единственнаго и испинно великаго человека, но копораго современники его споль мало понимали; вы и я всегда сожалѣшь о немъ будемъ. Его неуспрашимосшь и героическія добродѣтели имѣли два славные случая, гдѣ онѣ показались вѣ полномъ своемъ сіяніи. Памяшь послѣдняго во время моровой язвы вѣ Москвѣ, о копоромъ вы мнѣ пишеше, предала я попомсшву, воздвигнувъ вѣ Царскомъ селѣ изъ мрамора тріумфальныя вороша. Вѣ надписи сказано просшо, чшо Орловъ избавилъ городъ Москву отъ конечной погибели, чшо сполькоже справедливо, какъ и надпись на медали, копорая вамъ понравилась, и копорую къ вамъ шеперь посылаю. Вы получите ее вмѣстѣ

сѣ другою вѣ честь его брата, вы-
 бившую на случай славнаго сраже-
 нія при Чесмѣ, коимѣ морскія силы
 блиспашельной Порты приведены
 на долго вѣ совершенное бездѣй-
 ствіе. Сіи двѣ медали сущь рѣд-
 кій примѣръ вѣ одной фамиліи, и
 не худо доказывающь добродѣтели,
 славныя для частныхъ людей, и
 полезныя ихъ опеческву. Вашѣ
 пріяшель Вейкардтѣ боленѣ ше-
 перь руманизмомѣ вѣ лядвеѣ, и
 испощилѣ уже всѣ лѣкарска,
 чшобы избавишья отѣ сей бо-
 лѣзни, отѣ коей можешѣ бышья я,
 хошья и не докшорѣ, его вылѣчу.
 Чшо принадлежишѣ до моего здо-
 ровья, шо оно все еще таково,
 какѣ вы желаете. Не могу кон-
 чишья моего письма, не изьявивѣ
 вамѣ моей чувспвишельности за

все що, чшо при семъ нахожу для
себя пріятнаго и лестнаго; знай-
те, есшьли вамъ угодно, чшо вашъ
образъ разсмашривать вещи я ува-
жаю. Впрочемъ сіе докажетъ вамъ
шо почшеніе, которое къ оному
имѣетъ

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО IV.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 31 Маія 1785.

Ваше Императорское Величе-
ство еще разъ привели въ дви-
женіе, пронули и поразили всѣ
душевныя мои силы письмомъ
своимъ отъ 9 Маія, и превосход-
ными изображеніями двухъ вели-
кихъ мужей, прославившихъ Ваше
царствование.

Ваше Величество думая описать мнѣ такъ называемую Вами скуку Вашу, изволили показать, что Вы умѣли сами собою найти средства отъ скуки, средства вѣрныя и новыя, сколько единственныя, сколько и неизвѣстныя всѣмъ величествамъ древнихъ и новѣйшихъ временъ. Я буду радъ, если Ваше Величество позволите мнѣ дать знать публикѣ нѣсколькими словами о Вашемъ соображеніи разныхъ языковъ. Сей трудъ будетъ сокровище для глубокомысленныхъ философовъ и отважнѣйшихъ выдумщиковъ, приводя и шѣхъ и другихъ къ безчисленнымъ истиннамъ и понятіямъ, совсѣмъ новымъ. Удивленное попомство увидитъ, что Ваше Величество были рождены и усстроены для Имперіи

всякаго рода, и чшо силою обширнаго и неизмѣримаго своего ума, шли по всѣмъ пушямъ славы къ безсмертію.

Послѣ столь опважнаго полѣша, конечно пора уже было успокоишься нѣсколько на земли, и я пони-маю наконецъ, какъ Ваше Величе-ство въ сіи минушы необходимаго покоя могли чипашь сочиненіе, въ кошоромъ описавъ всѣ опасности уединенія, обѣщаль я изобразить слегка и всѣ пріятности онаго. Сіе сочиненіе опправлено опсюда 10 Маія, и конечно теперь уже въ Вашихъ рукахъ.

Я несказанно счаспливъ, чшо могъ говоритъ Вашему Величе-ству о покойномъ Князѣ Орловѣ, согласно Вашимъ чувспвованіямъ и Вашимъ мыслямъ, говоря одна-

кожѣ не иначе, какъ по собственному моему сердцу. Онъ былъ столь великъ, что его современникамъ не возможно было его постигнуть, и въ Германіи нашелъ я одного только пусшынника, о коемъ упоминаю въ IV томѣ, на 238 и 239 страницѣхъ моего сочиненія, кошорый сужденіемъ своимъ объ немъ совершенно и въ полнѣ меня удовольствововалъ (*). Два золотые памяшника, коими Ваше Величество освятили у меня па-

(*) Здѣсь говорится о Баронѣ Шраушенбахѣ, бывшемъ въ Россіи въ 1773 году съ Ландграфинею Гессен-дармшадтскою. — Господинъ Циммерманъ видѣлся съ нимъ въ 1780 году въ Вильгелмсбадѣ, препроводивъ напередъ мѣсяцъ съ Княземъ Орловымъ въ Ембсѣ. —

мѣшь сего единственнаго мужа и славнаго его брата, сдѣланы также по плану всего Вашего величія, и суть новое и чувствительное воспоминаніе Вашей щедроты. Ахъ! это точный его образъ, даже до ямки на щекѣ. Графъ Алексѣй побѣдитель и истребитель Турецкаго флота, радость и слава Россіи, и на сей превосходной медали дѣлается во мнѣ тоже самое впечатлѣніе, какое сдѣлалъ онъ въ первое мое съ нимъ свиданіе. Я думалъ, что вижу какого ниесъ Героя древней Греціи. Правда, онъ меня не привлекалъ къ себѣ, и не плѣнял моего сердца, подобно Князю его брату; но спокойная важность въ его лицѣ, его Греческіе глаза, умная улыбка, лаконическая и пріятная рѣчь, и лучъ величія, бли-

спающій вѣ повелишельной красотѣ всего Колоссальнаго его вида, заставили меня чувствовашь, что такіе люди, каковѣ Графѣ и Князь его братѣ, не могутѣ родиться индѣ, какѣ токмо вѣ Имперіи, содѣлавшейся вѣ наши времена удивительнѣе всѣхѣ Имперіи. Медаль его привела мнѣ на мысль всѣ сіи мысли, и сѣ пѣхѣ порѣ какѣ я прочиталѣ записки о Туркахѣ Барона Топша, всегда разсмаширивая ее, буду себѣ говоришь: вотѣ рука, которая водрузилѣ Штандартѣ Россійскій на стѣнахѣ Константинопольскихѣ.

Находящаяся нынѣ здѣсь Генеральша Баурѣ, сообщила мнѣ анекдотѣ, которому я весьма радуюсь. Она мнѣ сказала, что Ваше Величештво сами изволили сочи-

нишь сію удивительную рѣчь: *И Россія такихъ свеновъ имѣетъ.* Надпись на мраморныхъ триумфальныхъ ворошахъ въ Царскомъ селѣ, споль же проспа и споль же величественна, и вмѣстѣ съ надписью на медали, служишь примѣромъ прямого превосходства, копорому подобнаго не знаю. —

Недавно имѣлъ я другое удовольствіе, копорое не могу не сообщить Вашему Величеству. Вы нашли испорика, копорый сильнымъ, проснымъ и исполненнымъ вкуса спилемъ говоришь объ Васѣ и о Вашемъ царствованіи такъ какъ должно. Это господинъ Коксъ, священникъ Англинскій, издавшій въ прошедшемъ году въ Лондонѣ сочиненіе философическое и любопытное, копорое я читалъ на

Англійскомъ языкѣ, подѣ названіемъ : пупешесшвіе вѣ Польшу, Россію, Швецію и Данію. Онѣ издалѣ также очень хорошую книгу обѣ моемѣ опечесшвѣ Швейцаріи. Еспьли Ваше Величесшво не читаеше по Англински, шо я поспавляю себѣ за чесшъ донесши, чшо вѣ Швейцаріи вышелѣ Нѣмецкій переводѣ перваго шомашего превосходнаго сочиненія; присовокупляю кѣ сему сѣ истиннымѣ удовольствіемѣ, чшо такимѣ образомѣ среди двухѣ народовѣ, наслаждающихся большею вольноспію вѣ Европѣ, спараются прославляшъ Ваше имя и Ваши добродѣтели.

О совершенномѣ здоровѣ Вашего Величесшва подшвердилѣ мнѣ недавно и пріятель мой Вейкардшѣ. Единая строка вѣ Вашемѣ

письмѣ, коею вы меня въ помѣ увѣряете, привела меня въ восхищеніе отъ радости.

Не вѣрю чудесамъ, коими прежде сего Англійскіе и Французскіе Короли хвалились, что дѣлали они ихъ надъ нѣкоторыми больными, но свято вѣрю тому чуду, которое Ваше Величество обѣщаете сдѣлать надъ упрямымъ руманизмомъ философа Вейкардша.

Одна Ганноверская дама, имѣвшая честь знать Ваше Величество въ Брауншвейгѣ, а именно: госпожа Мюнхгаузенъ, урожденная Шуленбургъ, вдова славнаго мужа, нашего перваго Министра, часто дѣлаешь мнѣ пріятное удовольствіе, рассказывая, коковы Ваше Величество были въ двенадцать, тринадцать и четырнадцать лѣтъ.

Это такі анекдоты, кои заслуживаютъ быть собранными историкомъ философомъ, поелику они показываютъ, до какой степени сѣмя проницательнаго ума и прямого величія пускаетъ отъ себя роспки и среди игръ дѣтскихъ. Госпожа Мюнхгаузенъ женщина разумная и говоритъ хорошо; она своими повѣствованіями и сама оживляется и меня въ воспоргъ приводитъ.

Ваше Величество изволише говорить, что мой образъ разсмаприваетъ вещи для васъ не маловаженъ. Сказавъ сіе вы не могли во всю свою жизнь скасть мнѣ ничего белѣ леснаго. Сердце мое безпрестанно повпоряетъ себѣ всю мою къ Вамъ обязанность, и все Ваше превосходство. Цѣлые

часы провожу предъ Вашимъ поршрешомъ, и имѣю по удовольствіе, чшо всѣ приходящіе ко мнѣ Рускіе восхищающіяся сходствомъ онаго, и въ черпахъ лица Вашего находящія и пріятность и величіе. Предъ симъ Поршрешомъ шокмо могу произнести тѣ чувствованія, съ которыми имѣю честь быти.

П И С Ь М О V.

Отъ Императрицы.

Во время Ея путешествія въ Москву.

Писано на Волховѣ, отправлено изъ Царскаго Села, 5 Іюля 1775 года.

Государь Мой!

Два письма ваши отъ 10 и 31 Маія имѣла я удовольствіе получить, во время путешествія моего для обозрѣнія водяныхъ коммуни-

кацій , снабжающихъ въ лучшее время Петербургъ собственными припасами. На половинѣ дороги отъ Москвы вздумалось мнѣ съѣздить на три или на четыре дни въ сію древнюю столицу, а все сіе и есть причиною тому, что я замедлила вамъ отвѣщать. Надѣюсь, что по возвращеніи своемъ въ Петербургъ найду тамъ прешій и четвертый томъ вашего сочиненія о уединеніи. Посылаю къ вамъ при семъ объявленіе публикѣ, сдѣланное Профессоромъ Палласомъ о словарѣ коренныхъ словъ на всѣхъ языкахъ, кои мы собрать могли. Я видѣлась въ Москвѣ съ Чесменскимъ Героемъ Графомъ Орловымъ. Онъ заботился о своей молодой супругѣ, которая родила первое дитя, и къ несчастью дочь. По-

чишая его не весьма искуснымъ ихъ воспиывать, желала бы я ему сына, которому онъ служилъ образцемъ. Господинъ Коксъ, о коемъ вы мнѣ говорили, былъ въ Россіи два раза, и недавно еще насъ оставилъ; я получила отъ него сочиненную имъ книгу, которую нѣсколько и просмотрѣла. Кажется, что онъ пишетъ о вещахъ такъ, какъ объ оныхъ слышалъ, однакожъ часно и ошибается, но это безъ умысла. Я куплю переводъ, пошому что вы мнѣ оной одобряете.

Я пробѣжала сухимъ путемъ и водою около двухъ сотъ съ половиною Нѣмецкихъ миль, однакожъ не чувствовала ни малѣйшаго покояшва, не смотря на то, что газеты меня недомогають заспавляющъ.

Не знаю, что дѣлаетъ Вейкардтъ; я не видала уже его около мѣсяца; онъ оспался въ Пешербургъ, откуда я отправилась 24 Маія.

Сіе письмо пишу къ вамъ на Волховъ, но кончу въ Царскомъ селѣ по возвращеніи моемъ шуда.

Я очень помню госпожу Мюнхгаузенъ, урожденную Шуленбургъ, еспьли эшо она, копорая съ Графинею Джіанини была фрелиною у первой вдовспвующей Герцогини Брауншвейгской, жившей въ Грауенгофъ, и у копорой моя родительница была воспитана; я была шогда еще робенокъ, и при шомъ весьма рѣзвой.

Возвратившись въ Царское село, нашла я два экземпляра вашей книги;

весьма васъ благодарю за присылку оныхъ, и теперь же начну ихъ читать; не сумнѣваюсь, чшобъ претій и четвертый томы не отвѣтствовали двумъ первымъ. Прощайте, будьте здоровы и увѣрены въ моемъ особенномъ къ вамъ почтеніи.

ЕКАТЕРИНА.

Въ Царскомъ селѣ, 5 Іюля 1785.

Въ отвѣтъ вашемъ увѣдомыте пожалуйста, въ чемъ состоитъ болѣзнь Князя Кoadъютора Любскаго, въ копоромъ беру великое участіе; знаю, чшо съ вами совѣшались по сему случаю.

ПИСЬМО VI.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 8 Ноября 1785.

Я былъ долгое время счастливъ не знавъ объ ономъ. Письмо, которое угодно было Вашему Императорскому Величеству начашъ ко мнѣ на Волховѣ и кончашъ въ Царскомъ селѣ 5 Юля, дошло до меня не прежде 7 Ноября, бывъ отправлено ко мнѣ изъ Эйпина 4 Ноября Вашимъ Министромъ господномъ Алопеусомъ.

Ваше Величество совершили дальнее свое путешествіе столь же весело, какъ спихотворцы капаютъ своихъ чипашелей по какой нибудь пріятной рѣкѣ, или озеру ихъ изображенія. Обозрѣвая все собственными глазами, умножая повсюду

счаспіе своїхъ народовъ, сѣя вездѣ для попомспва, вы не могли имѣть другаго чувствованія, кромѣ радости о благоденспвіи, слѣдовавшемъ въ шоржеспвѣ за Вашими колесницами и яхшами.

Ученый для меня подарокъ, который Ваше Величеспво изволили приобщишь къ своему письму, извѣщаешъ ученый свѣтъ о единспвенномъ подаркѣ, какого ни одинъ Монархъ не могъ ему сдѣлать. Сіе швореніе вмѣстѣ съ узаконеніями, изданными Вами въ печеніи сего года, удивляшъ всѣ будущіе вѣки. Я сполько счаспливъ, что имѣю у себя Нѣмецкій переводъ законовъ, данныхъ Вашимъ Величеспвомъ дворянспву своея Имперіи. Чипая священныя слова шести первыхъ спраниць сего узаконенія,

почувшшвовалъ я, что никогда еще не бывало споль превосходнаго шворенія ни въ вишійшвѣ, ни въ философіи, которое бы такъ способно было возвыситъ душу народа, и въ которомъ бы находилось сполько очарованія въ чувшшвованіяхъ и силѣ, возбуждающаго всегда къ великимъ дѣяніямъ (*).

(*) Императрица отвѣшшшвовала на сіе мѣсто въ письмѣ къ Доктору Вейкардту отъ 18 Ноября, 1785 года слѣдующими словами: „Я прочи-
 „шала письмо господина Циммер-
 „мана. Мнѣ пріятно, что онъ съ
 „радостью читалъ мои строки. Для
 „чегожъ философу не чувшшвовашъ
 „того, что люди чувшшшвуютъ? Не
 „дивлюсь, что всшшшупленіе къ за-
 „конамъ понравилось Циммерману,
 „пошшшому что душа его пламенна.

Мой пріятель Вейкардтѣ увѣдомилъ меня, что Ваше Величество изволили прислать къ нему для меня изданный вами законъ, подъ названіемъ *Городовое Положеніе*, и даже до того распроспранили божественно любезную свою благосклонность, что присовокупили къ тому Руской переводъ сочиненія моего *о народной гордости*. Мнѣ жаль, что я написалъ сіе сочиненіе, ибо не достаесть въ немъ лучшей главы, внушенной въ меня Вашимъ Величествомъ.

Письмо Вашего Величества писано уже давно, почему и не могу

„Фельдмаршалъ Румянцовъ прочитавъ у меня сіе вступленіе въ „оригиналъ, сказалъ мнѣ, что оно „писано не чернилами, а огнемъ.

ничего новаго сказаць о здоровье Принца Петра Голштинскаго (*). Въ концѣ Маія мѣсяца удоспоилъ онъ меня пребованіемъ совѣта въ разсужденіи весьма сильнаго руматизма, копорый оказался сперва въ груди, а попомъ сдѣлалъ всѣ члены неподвижными, послѣжъ того приспупала сильная лихорадка, однакожъ скоро прошла опѣлѣкарствѣ. Для излѣченія оспашковъ сея болѣзни и для воспановленія силъ, совѣщовалъ я ему пользоваться Пирмоншскими водами, копорыя помогли удивительнымъ образомъ. Я имѣлъ честь видѣться съ симъ любезнымъ Принцомъ въ Пирмоншѣ съ 31 Іюля по 9 Августу.

(*) Нынѣшній Герцогъ Голштейнъ-Олденбургскій, Епископъ Любскій.

спа, во всякое время дня, и онъ былъ здоровъ совершенно.

Вашему Величеству угодно было упомянуть въ письмѣ своемъ о добромъ Вейкардшѣ, позволите и мнѣ донести вамъ, что онъ дѣлаешъ. Въ Пешербургѣ Вейкардшъ въ числѣ докшоровъ болѣе упопреляемыхъ, и его больные спановаяся по большей части его пріяшелями. Онъ судишъ обо всѣхъ видимыхъ имъ предметахъ какъ человекъ остроумный. Онъ оспаешся философомъ среди свѣша, и доволенъ вездѣ, хошябъ гдѣ видѣлъ одни дурачества. Въ Германіи былъ бы онъ во всѣхъ мѣстахъ рѣдкимъ человекомъ, но подѣ скипшромъ ~~ва~~шего Величества будетъ онъ съчастію всемъ шѣмъ, что полько Вамъ угодно изъ него сдѣлашъ.

Онъ показалъ опытъ весьма рѣдкой ко мнѣ дружбы, сообщивъ мнѣ записку, коею Ваше Величество изволили его удостоить 7 Октября. Съ неменьшею моею радостью увѣдомляешь онъ меня о благосклоннѣйшемъ приѣмѣ, копорымъ Ваше Величество почтили и два послѣднія тома сочиненія моего *о уединеніи*.

Сія записка Вашего Величества пронула меня до глубины души ужасомъ Вашего правосудія, всемъ Вашимъ великодушіемъ и всею Вашею крошосошю.

Я увидѣлъ изъ оной, что сочиненіе мое *о уединеніи* суждено съ благосклонносошю, ободрившею меня выше всякаго выраженія, и снова меня оживившею.

Я увидѣлъ, что Вашему Величеству не прошивно мое намѣреніе принимашь опѣ времени до времени смѣлосшь доносишь вамъ о людяхъ, кои своими дарованіями моглибъ сдѣлашья полезными въ нѣкоторыхъ обласняхъ вашей Имперіи.

Я увидѣлъ, что вамъ благоугодно приняшь въ службу докшора Мейера, искуснаго и имѣющаго хорошее соспоянiе въ Гамбургѣ, но одушевленнаго пламеннымъ усердіемъ къ заведеніямъ въ Тавридѣ, и способнаго управляшь тамо всѣми врачебными дѣлами. Я увидѣлъ также, что изволише принимашь въ службу и господина Фалкенберга, человѣка въ тридцать лѣтъ со многими шаланшами, знающаго говоришь по Нѣмецки, по Англински и по Французски, и который же-

лалъ бы получишь въ Тавридѣ какое нибудь мѣсто по горной часпи. Теперь экзаминуетъ его по моему желанію въ Клаузшалѣ одинъ изъ двухъ начальниковъ надъ рудниками въ Гарцѣ, человекъ извѣстный и лучшій знапокъ въ минералогіи. Послѣ сего увѣдомлю объ ономъ Вейкардша, согласно волѣ Вашего Величества.

Въ званіи Доктора никогда не могу бысть полезенъ Вашему Величеству, попому что мысль о всегдашнемъ вашемъ здоровье чрезмѣрно для меня пріятна; въ званіи Автора боюсь вамъ наскучить, а скука на свѣтѣ всего не здоровѣе; но я почелъ бы себя весьма счастливымъ, естлибъ въ смиренномъ моемъ положеніи оставался способъ, кошорымъ бы я могъ до-

казаць Государынѣ спа народовѣ
и всѣхъ людей размышляющихъ,
усердіе мое къ ея услугамъ, и при-
знашельность къ ея благодѣяніямъ.

Пребываю съ глубочайшимъ и без-
смершнымъ чувствованіемъ того,
что Ваше Величество изволише
для меня бытъ и дѣлашь.

П И С Ь М О VII.

Отъ Императрицы.

Петербургѣ $\frac{10}{21}$ Генваря 1786.

Государь мой!

Пріятно мнѣ было видѣшь изъ
письма вашего отъ 3 Нобря, что
вы довольны узаконеніями, обнародо-
ванными мною въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ
прошедшаго году. Вы говорише
объ оныхъ пріятнѣйшимъ въ свѣ-
тѣ образомъ, и все сообщаемое

мнѣ опѣ васѣ господиномѣ Вейкардпомѣ для меня чрезвычайно занимательно. Я полагаю прямымѣ для себя удовольствіемѣ видѣшь внушаемое вамѣ обширнымѣ, справедливымѣ и пылкимѣ вашимѣ разумомѣ. Вообще нахожу, что хорошая голова доставляетѣ всегда хорошее зрѣлище разсмапривающему сѣ разсужденіемѣ. Но къ спашѣ я заговорила о зрѣлищахѣ; мнѣ надобно васѣ увѣдомишь, что здѣсь вышли двѣ Рускія комедіи, изѣ коихѣ одна называется *Обманщикѣ*, а другая *Оболщеннѣй* (*). Первая весьма живо представляетѣ Каліостро, (кого я никогда не видывала, ни его жены, хотя она здѣсь и была).

(*) Обѣ сіи комедіи сочинены самою Императрицею.

а другая имѣ обманушихъ; наша публика весьма полюбила сіи двѣ піэсы, копорыя и въ самомъ дѣлѣ очень забавны. Я для шого къ вамъ сіе пишу, чшобъ вы знали, какъ здѣсь обходятся съ Иллюминашами. Говоряшъ, что Германія ими наполнена, и эшо думаю по модѣ, пошому чшо Французы восхищаются такими брѣднями. Но не говоря обо всемъ ономъ, до васъ ни сколько не касающемся, надлежало бы мнѣ поговорить съ вами о докторѣ Мейерѣ, о копоромъ вы ожидаете отъ меня отвѣша, равно какъ и о господинѣ Фалкенбергѣ. Сей отвѣшъ заключаешся въ слѣдующемъ проектѣ Князя Попемкина Генералъ Губернашора прежняго Крыма. „Въ „Тавридѣ должно безъ сомнѣнія во „первыхъ завести хлѣбопашество

„и шелковыхъ червей, слѣдовашель-
 „но и насадишь шелковичныхъ де-
 „ревьевъ. Можно бы дѣлать въ Та-
 „вридѣ сукна, но здѣшняя шерсть
 „не изъ лупчихъ, такъ же сыры,
 „коихъ не дѣлають во всей Рос-
 „си. И разведеніе садовъ, а особ-
 „ливо ботаническихъ, можно пола-
 „гать въ числѣ главнѣйшихъ пред-
 „мѣтовъ въ Тавридѣ. Для всего
 „онаго люди знающіе необходимы.
 „Казнѣ не нужно обременять себя
 „другими масперовыми; но есльи
 „они пожелають сами пріѣхать
 „туда на собственномъ коштѣ,
 „то будутъ хорошо приняты, и
 „возпользуются разными выгодами
 „содержащимися въ обнародован-
 „ныхъ Манифестахъ.,,

Первая изъ прехъ сташей при-
 лагаемой при семъ записки, опо-

слана кѣ моему Посланнику вѣ Гамбургѣ господину Гроссу, съ шѣмѣ чшобѣ онѣ могѣ заключишь съ господиномѣ Мейеромѣ конпракшѣ на содержащихся вѣ оной условіяхѣ. Во второй спашѣ увидише касающееся до господина Фалкенберга. Трешья опноситеся до докторовѣ и лѣкарей *вали предложенныхѣ*, и вѣ коихѣ мы очень нуждаемся. Теперѣ оспашеся мнѣ шолько присовокупишь кѣ сему письмо Вашего пріятеля, и увѣришь васѣ вѣ продолженіи моего кѣ вамѣ уваженія, кошорое вы уже знаете.

ЕКАТЕРИНА.

П И С Ь М О VIII.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 15 Февраля 1786.

Праздники мои бывающъ не въ день такого, или другаго свяшаго, а только по шѣмъ днямъ, когда Вейкардшъ скажетъ мнѣ слово или два отъ имени Вашего Величества. Но 11 Февраля, когда господинъ Александръ Рылѣевъ привезъ мнѣ письмо и пакетъ отъ Вашего Императорскаго Величества, былъ такой день, въ честь котораго согласился бы я сжечь ладанъ цѣлой Аравіи.

Часто шрепещу отъ страха, когда подумаю, что Ваше Величество можете иногда чинить письма мои къ доброму Вейкардшу. Я пишу къ нему на удачу все, что

шолько моему уму предспавишся, и пишу съ душевнымъ увѣреніемъ, что когда пишешь много, то конечно напишешь много и нелѣпаго. Часпо минушу спусмя послѣ опправленія моихъ писемъ къ Вейкардпу, далъ бы я Богъ знаешъ что, дабы шолько ворошитъ оныя. Но часпо такъ же, а особливо теперь, ушѣшаюся мыслію, что Ваше Величесшво изволише чипаць иногда сіи письма единспвенно для того, что они вольно и проспо писаны.

Ахъ! какъ прекрасно смопрѣшь на свѣшъ испинно обезумѣвшій; видѣшь Германію наполненную принцами, генералами, учеными и людьми всякаго цвѣща, кои пляшутъ на подобіе бѣснующихся по скрыпкѣ всякаго плуша, называющагося Ил-

люминапомъ или магикомъ; видѣшь, что въ нынѣшнее челоѵколюбивое сполѣше не жарятъ и не жгутъ правда десятками тысячъ женщинъ, подѣ именемъ колдуньевъ, но что въ лучшихъ домахъ въ Парижѣ и Берлинѣ охотно пригласилибъ колдуньевъ обѣдать и ужинашь: и потомъ видѣшь, что сильнѣйшая во вселенной Государыня смѣется публично всѣмъ такимъ дурачествамъ, и проповѣдуетъ наставленія женщинамъ въ Парижѣ, тысячѣ ученыхъ людей, большей часи дворовъ въ Германіи, поликому числу Принцовъ, а можетъ спашься и нѣкопорымъ Королямъ, наспоющимъ и будущимъ.

Двѣ Рускіе комедіи, подѣ названіемъ: *Обманщикъ* и *Оболщенной*, сдѣлаютъ эпоху въ Европѣ. Уже

не Югъ просвѣщаетъ Сѣверъ, а Сѣверъ просвѣщаетъ Югъ; уже съ береговъ Нѣвы приходишь къ намъ просвѣщеніе. Прошу и заклиная Ваше Императорское Величество приказать перевести объ сїи комедїи на Французской и Нѣмецкой языки.

Цѣлой Парижъ повѣрилъ, и Каліоспро обнадѣжилъ Кардинала Рогана, что онъ доставитъ ему случай ужина съ Юліемъ Цесаремъ и ночевать съ Царицею Клеопатрою. Понимаю, что Ваше Величество такого дурака не видали, и знаю, что при четверти записокъ Каліоспоровыхъ только романы.

Справедливо примѣчаніе Вашего Величества, что Алхимія и Магія, по модѣ занимають всю Германію, и по тому, что Французы восхи-

щаються сими брѣднями. Но какѣ самая слѣпая вѣра въ сіи брѣдни заспавила малыхъ людей кланяшьясь большимъ, шо по сей же причинѣ сія зараза и имѣла успѣхи споль быспрые и непредвидѣнныя. Да и во всѣхъ дурачеспвахъ, осмѣиваемыхъ Вашимъ Величеспвомъ, участвуюшъ въ Германіи споль многочисленныя и спрашныя общеспва, что здѣсь надобно имѣшъ желѣзной лобъ, еспшли хотѣшъ осмѣивашъ оныя. Нѣмецкій комедіаншъ, кошорой опважился бы предспавишъ ихъ на театрѣ, былъ бы не премѣнно побитъ каменьемъ.

Однакожъ не указами, а единспвенно комедіями могушъ Государи пособишъ шакимъ сбумашеспвіямъ. Прошедшаго лѣта вздумалось философамъ упошребишъ

все свое витїйство на склоненіе
меня, предспавишь Вашему Импе-
рапорскому Величеству пагубныя
слѣдствія разума нашихъ временъ,
даже для сильныхъ Государствъ и
правительствъ. Они думали, *что*
Ексъ-Иезуиты ѣздя теперь на спинѣ
колдуновъ и Алхимистовъ вкрадутся
во всѣ кабинеты, а въ слѣдствіе сего
и видѣли уже напередъ Государ-
ства низпроверженныя, и коспры
съ убивствами древнихъ временъ,
возспановленныя во всѣхъ большихъ
сполицахъ. Я опвѣщивовалъ симъ
философамъ, что естли сдѣлаю
подобныя донесенія Вашему Вели-
честву, то вы изволише почестъ
меня сбумасшедшимъ; и что какъ
скоро примѣшите, что сіи дура-
чества появляются и въ Вашей
Имперіи, въ чемъ и не сумнѣваюсь,

по вмѣсто всякаго законодапельства, упошребите прошиву ихъ хорошую шруппу комедіаншовъ.

Отъ наспавленій премудрости, преподаваемыхъ Вашимъ Императорскимъ Величеспвомъ цѣлой Европѣ, перехожу къ восхищительнымъ, блистательнымъ и новымъ знакамъ Вашего ко мнѣ благоволенія.

Мейеръ и Фалкенбергъ будутъ чрезвычайно счастливы. Ваше Величеспво изволили придумать все могущее ушвердить ихъ благоденствіе и покой. Да я и самъ не шокмо счастливъ ихъ благополучіемъ, но несказанно счастливъ и Августѣйшею довѣренностію, коею Ваше Величеспво меня удостоиваете.

Вижу, что худо понялъ препорученіе ваше, касательно нужныхъ людей въ Тавриду. Проектъ Князя Пошемкина вразумилъ меня совершенно, что нѣтъ нужды дѣлать большія издержки на пріисканіе въ Германіи всякаго рода мастеровыхъ, попому что они поспѣшаютъ сами и на собственномъ коштѣ въ землю, копорая по видимому все обѣщаетъ. Можетъ быть мало по малу приучатъ и прежнихъ жителей Крыма воздѣлывать землю. Что касается до разведенія шелковыхъ червей и шелковичныхъ деревьевъ, то думаю, что консулы и агенты, копорыхъ Ваше Величество имѣете по берегамъ Италіи, удобно моглибъ доставить людей знающихъ. Я удивился, что во всей Россіи не дѣлаютъ сыру;

Голштинія снабжаетъ онымъ большую часть сѣвера, и очень дешево. Швейцарцы настоящіе мастера въ сей части сельскаго хозяйства; я думалъ, что не возможноль будетъ послать небольшое селеніе оныхъ въ Тавриду черезъ Марсель и Констанцинополь; но сіи простые, и не взирая на свою бѣдность, весьма привязанные къ своей землѣ люди, оскорбились бы такимъ смѣлымъ предложеніемъ, и погибли бы всѣ въ краю, которой показался бы имъ уже совсѣмъ опличнымъ отъ края, по ихъ мнѣнію нарочно для нихъ сошвореннаго. Можетъ быть какой нисетъ Агентъ въ Голландіи услужилъ бы Вашему Величеству лучше по сему дѣлу; можетъ быть также Докторъ Мейеръ, человекъ острый и опмѣнно предприимчи-

вый, успѣлъ бы сдѣлать сей наборъ въ самомъ Гамбургѣ. Крымскую шерсть въ Германіи больше хвалятъ, нежели какъ я вижу въ Россіи; и по сему предмету особливо думалъ я о Докторѣ Мейерѣ. Но прошу Ваше Величество представить патриотизму споль превосходнаго судьи, каковъ Князь Пошемкинъ, разсмотрѣніе писаннаго мною 7 Генваря къ Вейкардшу о табашныхъ фабрикахъ, которыя можнобъ было завести въ Тавридѣ. Въ семъ по важномъ предметѣ торговли Россіяне отдають всю выгоду иностранцамъ, такъ какъ я доказалъ. Весьма удобно будетъ завести ботаническіе сады въ Тавридѣ; господинъ Палласъ знаетъ довольно ли въ Россійской Имперіи людей искусныхъ въ сей части.

Ихъ удобно будетъ найти въ Швеціи. Да и я, въ случаѣ надобности такихъ людей, можетъ спасться, уговорю къ основанію ботаническихъ садовъ во всей Тавридѣ одного человека, лучшаго знаюка въ семь родѣ, испытателя природы и особенно растений, споль же проницательнаго, какъ покойный кавалеръ Линней, а по своему характеру похожаго на Жакъ Жака Руссо. Его зовутъ Ергардъ, родомъ Швейцарецъ, и живетъ здѣсь не большимъ отъ Короля пенсіономъ въ Герренгаузенскомъ саду.

Весьма пріятно для меня было читать въ запискѣ, приложенной къ письму Вашего Величества, сіе чрезвычайно одобришельное выраженіе, что окажу важную услугу Россійской Имперіи, еспьли буду

въ соспояніи доспавишь Докпоровъ и Лѣкарей, кои былибъ выгодно помѣщены или въ арміи, или по главнымъ городамъ Россій. Таковое повелѣніе Вашего Величеспва всего для меня лестнѣе. Ограничивъ шеперь мое вниманіе и успремивъ все оное единспвенно къ сей часпи, не выхожу изъ моего званія, и могу самъ собою судишь о предметахъ, сдѣланнаго мнѣ препорученія.

Во всѣхъ дѣлахъ Вашего Императорскаго Величеспва примѣчаю опличисптельную черпу харакпера: когда дѣло идетъ о доспавленіи кому удовольспвія, шо вы изволише превышашъ все, чего шолько ожидашь можно было. Всѣ приспашьи вашей записки ознаменованы благошвориспельноспію боже-

спвенно любезною. Вы изволили все придумать, обо всемъ позаботиться, ничто не ушло отъ Вашего вниманія; всегожъ премудрѣе и всего величеспвеннѣе нахожу то, что Ваше Величество всѣмъ пѣмъ, коихъ буду имѣть счастье покорить скипетру Вашему, предоставляете свободу, драгоцѣннѣйшее добро мнѣ на свѣшѣ извѣстное.

Чѣмъ больше я уполномоченъ отъ Вашего Императорскаго Величества назначать пенсіи и давать на проѣздъ деньги, тѣмъ умѣреннѣе и осторожнѣе поступать буду. Въ разсужденіи пенсій воспользуюсь Вашимъ позволеніемъ только въ случаѣ весьма великихъ достоинствъ, или когда не увижу другихъ средствъ склонить человека опмѣнно искуснаго, котораго имѣть хотѣлъ бы

непремѣнно. Полагаю, что Ваше Величество изволили уже дать Вашему Министру въ Гамбургѣ повелѣніе о платежѣ суммъ, кои съ Вашего позволенія буду опредѣлять на проѣздѣ докторамъ и лѣкарямъ, назначеннымъ въ Вашу службу. Самъ не возьму ни рубля, а всѣхъ моихъ рекрушовъ безъ извѣстія буду отправлять къ господину Гроссу, и просить его, чтобы онъ деньги на дорогу выдавалъ не прежде, какъ при самомъ отъѣздѣ.

Надѣюсь, что не встрѣчу затрудненій, найши пребываемое Вашимъ Величествомъ число докторовъ и лѣкарей. Скорѣе опасаясь затрудненія въ прошивномъ. Но не взирая на сію выгоду думаю, что мнѣ спѣшить не должно; а хощя и чувствую сильное въ себѣ

желаніе видѣшь спадо мое собран-
нымъ, но полагаю за долгъ самъ
себя обуздашь и упошребляшь во
всемъ благоразумную медленность.

По сему дѣлу остається у меня
на сердцѣ одно только безпокой-
ство. Должнобъ было мнѣ умол-
чать объ ономъ. Но какъ я пишу
къ разуму просвѣщеннѣйшему, душѣ
прекраснѣйшей, и къ сердцу благо-
творительнѣйшему, то робость
моя исчезаетъ, и я увѣренъ, что
слова мои будутъ понятны. Не всѣ
докшора и лѣкаря, коихъ приму я
въ службу Вашего Императорскаго
Величества, будутъ люди равнаго
достоинства. Они оплчаться и
своимъ характеромъ. Я требую
у всѣхъ ихъ бодрости; но въ нихъ
будетъ больше или меньше разбор-
чивости, больше или меньше вкуса

и нравственнаго смысла. Самые отважные и не споль разборчивые будущь довольны всемь. Но человекь съ чувствительною душою не равнодушно смотришь на мѣсто, гдѣ ему жить надобно. Не позволили Ваше Величество сдѣлать имь въ разсужденіи сего обѣщанія вамь пріятныя, то естъ, человекьлюбивыя? Смѣю ли внушить въ нихь надежду, что при помѣщеніи ихь по городамь и губерніямь, попребуюшь ихь на то согласія? Правила службы позволяють ли подобныя уваженія? и могуль я просить учрежденную въ столицѣ медицинскую Коллегію о шаковомь снисхожденіи? Я зналъ бы къ сему самый простиый способь. Естълибь возможно было препоручить пріятелю моему Вейкардпу приѣмь

и размѣщеніе моихъ рекрутовъ, тогда могъ бы я по крайней мѣрѣ надѣяться на его крошосць и чело-вѣколюбіе, чего ни какъ не можно мнѣ требоваць отъ цѣлаго сосло-вія, которое конечно опправляетъ свои дѣла въ большемъ видѣ, можеть быць нѣсколько скоро, и вѣ-рояшно не имѣя моихъ разборчи-воспей.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ сдѣлана мнѣ въ Пешербургѣ честь, копо-рой я никогда не смѣлъ надѣяться, и о которой никогда не имѣлъ оп-важности и помышлять. Удостоивъ меня по благосклоннѣйшему одобре-нію Княгини Дашковой, быць чле-номъ споль славнаго сословія, ка-кова естъ Императорская Санкш-пешербургская Академія Наукъ, по-жаловаць мнѣ такъ называемую въ

Парижѣ голубую ленпу ученаго
человѣка.

Имѣю чеспѣ быпѣ сѣ чувспво-
ваніемѣ неизвяснимой благодарно-
спи, и сѣ восхищеніемѣ, превосхо-
дящимѣ всѣ восхищенія кѣ доброму,
прекрасному, великому, славному,
превосходному и любезному.

П И С Ь М О IX.

О ш ъ И м п е р а ш р и ц ы .

Санктпешербургѣ, 17 Апрѣля
сп. сп. 1786.

Государь мой!

Вчера получила я письмо ваше
отъ 7 Апрѣля. новаго спила, изъ
кошораго усмопрѣла всѣ ваши спа-
ранія доспавипѣ намѣ хорошихѣ
докторовѣ и лѣкарей. Обѣщаемыя
вами двѣ дюжины оныхѣ будупѣ

для насъ весьма полезны. Не могу не одобришь мѣръ, кои вы приняли обще съ моимъ посланникомъ господиномъ Гроссомъ. Докшора и лѣкари вами уже испытанные, не будушъ имѣшь нужды въ испытаніи Медицинской Коллегіи; я ихъ опъшого увольняю и васъ въ помъуполномочиваю. Не бойшесь, Докшору Мейеру не много будешъ хлопотъ съ Медицинскою Коллегіею, пошому чшо всѣ дѣла, оплательствъ не шерпящія, зависяшъ у насъ опъ Правительсшва губерніи, и имянно всякое опасеніе опъ моровой язвы. Ему будушъ ради, равно какъ и господину Фалкенбергу. Приложенная къ вашему письму записка доказываешъ, государь мой, чшо вы испинно желаете содѣйствовашъ моимъ намѣреніямъ.

Къ намъ прибыло нѣсколько Швейцарскихъ семействъ, кои могутъ принести пользу.

Я рада, что господинъ Калифалкжерспонъ васъ позабавилъ, и все сказанное вами о сей пиесѣ весьма лестно для Автора, который въ слѣдъ за сею комедіею издалъ другую, подъ названіемъ *Оболщенной*; не помню, послала ли я къ вамъ переводъ оныя, или нѣтъ, на всякій случай препровождаю у сего письма другой экземпляръ; теперь находишся въ работѣ третья пиеса: *Сибирской Шаманъ*, коею основою послужила спашья изъ Энциклопедіи Фезофъ; вы и сію получите въ свое время. Обѣ первыя имѣли у насъ успѣхъ преудивительный: партеръ не хотѣлъ о другихъ пиесахъ и слышать; онѣ принесли

театру болѣе двадцати тысячъ
рублей.

Прощайте, будьте увѣрены въ
моемъ совершенномъ къ вамъ по-
чтеніи.

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО Х.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 3 Октября 1786.

Князь Вяземскій доставивъ ко
мнѣ отъ имени Вашего Импера-
торскаго Величества Орденъ св.
Владимира, копорый я получилъ 10
Августа, сдѣлалъ мнѣ нечаянность,
увѣнчавшую всѣ милости Вами мнѣ
оказанныя. Тогдажъ просилъ я сего
Князя повергнуть немедленно къ
стопамъ Вашего Величества глубо-
чайшую мою благодарность. Но я

умерѣ бы съ печали, еспьлибѣ не могѣ извѣявипь самѣ Вашему Величеспву шого пламеннаго чувспво-ванія, съ коимѣ приемлю Ваши авгуспѣйшія благодѣянія, и неизвѣяснимую пріяшность, изліянную вами на все бышіе мое, украшеніемѣ меня симѣ Государспвеннымѣ знакомѣ великодушія и величія, блиспающихѣ во всѣхѣ Вашихѣ милоспяхѣ и благодѣянїяхѣ.

Вѣ дипломѣ Ордена св. Влади-мира, коимѣ Ваше Величеспво изво-лили меня удоспоипь, сказано : чшо Вы удосповѣрены, чшо сіе опличіе послужипь мнѣ ободре-ніемѣ кѣ продолженію моего кѣ вамѣ усердія. Ахѣ! еспьлибѣ можно мнѣ было каждый часѣ и каждую минушу имѣпь новые случаи для извѣявленія сего усердія, шогда

не былобъ на землѣ челоуѣка лучше
меня награжденнаго и меня сча-
спливѣйшаго.

Осмѣливаюсь присовокупить къ
сему письму окончаніе росписи док-
порамъ и лѣкарямъ, принятымъ
мною въ службу Вашего Величе-
ства. вмѣсто двадцати чепырехъ,
принято только двадцать три. Я
оставилъ двадцать чепвертое мѣ-
сто не занятымъ на пошъ конецъ,
чтобъ сею зимою съ большимъ ра-
ченіемъ и успѣхомъ доспашъ ка-
кого нибудь славнаго челоуѣка.

Всѣ сіи докпора и лѣкари (кромѣ
одного изъ искуснѣйшихъ, копорый
почувшвовавъ въ себѣ припадокъ
меланхоліи, уѣхалъ изъ Пешербурга
въ) чрезвычайно счастливы.
Ваше Императорское Величество
наполнили ихъ сердца живѣйшимъ

усердіемъ и ревностію къ себѣ и къ своей службѣ пою щедрошою, которая имъ оказана при опправленіи ихъ изъ Пешербурга, и шѣмъ челоѵколюбіемъ, съ копорымъ они помѣщены, каждый согласно съ его желаніемъ, и всѣ съ великою ихъ выгодою.

Во всемъ ономъ препорученіи содѣйствоваль мнѣ господинъ Гроссъ, Миниспръ Вашего Величества въ Гамбургѣ, весьма благосклонно, и споль ревностно и поспѣшно, чпо мнѣ лучше того желать не лзя было. Я не навлекъ себѣ хлопотъ ни опъ одного Государя, или правительства; а хопя и думаль, чпо легчебъ мнѣ было набрать цѣлый гусарскій полкъ, нежели самое малое число ученыхъ людей; однакожъ пламеннымъ моимъ усердіемъ

къ службѣ Вашего Величества нажилъ я себѣ не больше одного непріятеля: и эшотѣ непріятель ядовитѣйшии всѣхъ моихъ непріятелей, естѣ Вейкардтѣ.

Вѣ то время, когда я ревностнѣйше занимался препорученіемъ, коимъ Ваше Величество меня удостоили, былъ я вѣ половинѣ Іюня остановленъ приключеніемъ, сколько не ожидаемымъ, сполькожѣ важнымъ и единственнымъ. Король Прусскій не больше вѣрившій медицинѣ, какъ и Евангелію, захотѣлъ со мною видѣться и поговоритѣ вѣ послѣдніе дни своей жизни. Я жилъ вѣ Пощдамѣ съ 24 Іюня по 10 Іюля; видѣлъ Короля шридцать три раза, имѣлъ честь говоришѣ съ нимъ всякой день по нѣскольку часовъ о тысячѣ

предметахъ, и былъ споль счастливъ, что дѣлалъ его спокойнымъ ничего ему не обѣщая. Онъ не приминулъ, какъ я того и надѣялся, говоришь съ самаго перваго дня о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ; онъ думалъ, что вы больны, но я совершенно его увѣрилъ, что вы наслаждаетесь совершеннымъ здравіемъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что сей разговоръ кончился почипаніемъ, которое умирающей Король Прусскій изъяслялъ Вашему Величеству и Вашей славѣ.
Имѣю честь бытъ, и проч.

ПИСЬМО XI.

Отъ Императрицы.

12 Октября 1786. стр. сп.

Государь мой!

Я получила вчера письмо ваше отъ 3 Октября, исполненное лестнѣйшихъ для меня выражений. Опнюдь не сомнѣваюсь въ усердіи, которое вы ко мнѣ изъявляете, ибо имѣю въ помѣ живыя доказательства. Вы прислали къ намъ людей хорошихъ, и надѣюсь что они хорошо помѣщены, когда вы говорите, что они довольны. Я вамъ очень обязана за тѣ великіе труды, кои вы принимали на себя по сему случаю. Но что значитъ Вейкардшова вражда! Мнѣ хочется почестъ это шуткою; я не видала его больше двухъ мѣсяцовъ; въ чемъ могъ бы онъ на васъ пожало-

вапьяся? О быпности вапей вѣ
 Попсдамѣ знала я вѣ шо же время.
 Давно ужѣ извѣспно мнѣ было,
 что покойному Королю Прусскому
 нравилось почипашь и выдавашь
 меня за больную, а эшо самое и
 увѣрило меня вѣ шомѣ, что онѣ
 былѣ самѣ очень болѣнѣ; ибо здо-
 ровый человѣкѣ никогда не зани-
 маешя болѣзнями другаго. Вы не
 сдѣлали ему удовольствія, ушвер-
 ждая мысль прошивную его. Не
 знаю, всегдаль опдавалѣ онѣ мнѣ
 справедливоспъ, но эшо мнѣ ни-
 когда не мѣшало ему опдавашь
 оную. Продолжайше государь мой,
 имѣшъ ко мнѣ шѣ чувспвованія,
 кои нынѣ извъявляете, и будыше
 увѣрены вѣ продолженіи моихѣ.

ЕКАТЕРИНА.

Вѣ Генварѣ опправляюсь вѣ Тавриду.

ПИСЬМО XII.

Отъ г. Циммермана
къ Графу Безбородку.

Ганноверъ, 9 Генваря 1786.

Милоспивый государь!

Докшоръ Шшейнъ будетъ имѣть
чесъ предспавишь сіе письмо ва-
шему Сіашельспву. Надѣюсь, что
вы изволише проспишь меня за
оное, ибо совсѣмъ не писашъ, было
бы съ моей спороны и не справед-
ливо и не учпиво.

Я принялъ докшора Шшейна 26
Апрѣля, 1786 года докшоромъ въ
армію Ея Имперашорскаго Величе-
спва. Онъ пріѣхалъ въ Пешер-
бургъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, и возвра-
тился опшуда въ Германію въ
Августѣ. Меня чремѣрно поразило

сіе возвращеніе, и я очень обидѣлъ
добраго докшора Шшейна.

Шшейнъ обѣщаль мнѣ слѣдо-
вать повсюду за Россійскими зна-
менами; я зналъ его, какъ хорошаго
докшора, и какъ челоуѣка чеспнаго,
умнаго и отважнаго: но крайне
изумился, когда увидѣлъ его возвра-
тившагося въ Германію, не успѣвъ
еще и посмотрѣть на Россійскія
знамена. Для сего я употребилъ
всевозможное стараніе уговорить
его ѣхать обратно въ сію Импе-
рію, которую онъ и самъ предпо-
чищаетъ всѣмъ Имперіямъ на свѣ-
тѣ, и куда въ Іюнѣ мѣсяцѣ поѣхаль
съ сердцемъ, исполненнымъ ревно-
сти, усердія и жару.

Шшейнъ не виноватъ. Все, что
онъ сдѣлалъ худо, сдѣлалъ по вну-
шенію любви, сей сильнѣйшей вла-

спи во вселенной. Кажешся, что изъ всѣхъ пресупленій надлежитъ предпочтительно прощать сдѣланныя по очаровательной силѣ пріятнѣйшей спраспи человеческой. У бѣднаго Шпейна была любовница въ, копорой предложилъ онъ руку до отъѣзда своего въ Петербургъ. Она приняла сіе предложеніе, но отказалась ѣхать съ нимъ въ Россію. Шпейнъ не смопря на сіе уѣхалъ; тогда любовь къ славі и любовь къ Россіи была сильнѣе привязанности его къ тому, что было для него всего дороже на свѣтѣ. Выѣзжая изъ проѣхалъ онъ мимо окошекъ своей возлюбленной. Она стояла у окошка, проливала горькія слезы, отвернулась, и Шпейнъ, кромѣ блага плащка, ничего не увидѣлъ въ окошкѣ.

Шпейнъ' восхищался Петербургомъ. Обожалъ въ ономъ Власпъ, управляющую съ поликою крошестію обширнѣйшимъ Государствомъ въ свѣтѣ, но бѣлый плашокъ вездѣ ему предспавлялся. Эшопъ бѣлый плашокъ преслѣдовалъ его повсюду, и навлекъ ему шопъ меланхолическій припадокъ, въ продолженіи коего приходилъ онъ къ вашему Сіапельству просипъ позволенія возвратипсья въ, гдѣ онъ оставилъ умирающаго ребенка и любовницу.

Все это было не извѣстно. Я узналъ оное только вчера; а еспъ-либъ зналъ прежде, то обошелсябъ съ Шпейномъ гораздо лучше, съ наковымъ разумѣенся условіемъ, чшобъ онъ возвратился въ Пешербургъ.

Онѣ шуда возвращается, и теперь въ Ганноверѣ, когда сіе пишу. Я почелъ себя обязаннымъ симъ письмомъ ему, человѣчеству и справедливости.

Зная человѣколюбіе вашего Сіапельсва, осмѣливаюсь воспользо-ваться симъ случаемъ и препоручить доктора Шпейна въ вашу милость и покровительство.

Шпейнъ чрезвычайно желаетъ, чтобъ его помѣстили въ Пешербургѣ. Онъ провелъ тамъ лучшіе годы своей жизни и началъ свои науки въ училищѣ св. Петра, гдѣ учился три года; смѣю сказать, что онъ дѣлаетъ честь сему училищу, пошому что онъ дѣйствительно человѣкъ опіменно искусный, и сполькожъ опличается своимъ

разумомъ, сколько и личными достоинствами.

Прошу ваше Сіяпельство приспально посмотрѣть на докшора Шшеина; вы увидите, что его лице показываетъ уже человека весьма разумнаго, и размышляющаго.

Смѣю присовокупить къ тому, что онъ превосходный докторъ, дѣйствительно одаренный умомъ изобрѣшательнымъ, богатый въ пособіяхъ, и весьма достойный быть приглашенъ въ совѣты по самымъ важнымъ случаямъ. Онъ такой докторъ, какого должно имѣть въ большой столицѣ. При всемъ томъ онъ кропокъ, честенъ, оспроуменъ и пылокъ, что дѣлаетъ его весьма любезнымъ, когда таковымъ ему показаться можно. Это сынъ При-

роды, воспитанный и наученный Музами.

Не успѣлъ Шпейнъ пріѣхать въ Петербургъ прошедшимъ лѣтомъ, какъ уже пріобрѣлъ себѣ жножество друзей, и посѣщалъ многихъ больныхъ съ лучшимъ успѣхомъ. И такъ повторяю еще вашему Сіяшельству прозьбу мою о немъ, и при томъ прошу употребить ваше предспашельство у великодушнѣйшей Государыни о семъ хорошемъ и искусномъ человѣкѣ. Есшьлибъ Шпейнъ былъ сполько счасливъ, чшобъ помѣстили его при какомъ ниесъ военномъ корпусѣ въ Петербургѣ, и сверхъ того, дали ему жалованье съ шого дня, когда онъ принялъ, да и награжденіе, обѣщанное споль великодушно всѣмъ докторамъ и лѣка-

рямъ, коихъ я прислалъ въ Россію, погдабъ былъ онъ на высочайшей степени радости и благоденствія.

Все сіе написалъ я къ вашему Сіяшельству по внушенію довѣренности къ вашему имени, къ вашей славі, и къ вашему мѣсту. Гораздобъ заспѣнчивѣе я былъ, еспьлибъ неизвѣспилъ меня гласъ всѣхъ докшоровъ въ Европѣ, чшо пишу къ человѣку великому, и при помѣ кропкому и человѣчеству любящему, кошораго съ восхищеніемъ увѣрряю въ глубочайшемъ моемъ высокопочишаніи, имѣя честь бышь и проч.

ПИСЬМО XIII.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 28 Ноября 1786.

Ваше Императорское Величество письмомъ отъ 12 Октября, полученнымъ мною 20 Ноября, удостоили сдѣлать меня еще счастливымъ, извѣвая мнѣ, что вы довольны людьми, присланными мною въ Вашу Имперію.

Хотя сіи Нѣмцы осыпаны отъ Вашего Величества милостями и благодареніями, однакожъ долгомъ пославляю просить о Вашемъ великодушіи еще къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Изъ числа моихъ рекрутовъ, докторъ Шшейнъ подавалъ мнѣ лучшую надежду, и по сей причинѣ крайне меня опечалилъ, когда оставя

Петербургъ возвратился въ
 Но я споль сильно далъ ему воз-
 чувствоватъ его несправедливостъ,
 что онъ 8 Ноября прѣхалъ въ Ган-
 новеръ просишься со мною, а де-
 сятаго числа со всею поспѣшно-
 стію отправился опять въ Пешер-
 бургъ. Я нашелъ его во всемъ изви-
 нительнымъ, пошому что любовь
 была единственною причиною его
 погрѣшности. Еспьлибъ Ваше Ве-
 личество удостоили прочестъ изви-
 нительное и одобришельное письмо,
 данное мною доктору Шпейну къ
 Графу Безбородку, тогдабъ смѣло
 надѣялся, что Вы изволише при-
 няшь учасіе въ семъ человекѣ,
 и что окажете ему милостъ, коея
 онъ желаетъ чрезвычайно, по
 естъ, чтобъ помѣстили его при
 какомъ нибудь военномъ корпусѣ,

имѣющемъ всегдашнее свое пребываніе въ Пешербургѣ. Докторъ Шпейнъ, не смотря на погрѣшность, сдѣланную имъ въ любовной меланхолии, есть человекъ весьма хорошій, который за Ваше Величество во всякое время пожертвуетъ своею жизнью, и при томъ докторъ съ великими дарованіями.

Желалъ бы я имѣть возможность оповѣстивъ Ваше Императорскому Величеству на Ваши вопросы, касательно Вейкардта, не сказавъ объ немъ ни сколько худъ. Вейкардтъ былъ мнѣ другъ, и это воспоминаніе должно оспашься неизгладимымъ. Онъ принудилъ меня сказать ему нѣсколько полезныхъ истинъ. Съ того времени онъ старался всячески меня поносить

по въ Пешербургѣ, по письмами
 своими ко мнѣ, по циркулярнымъ
 письмомъ, которое ходитъ теперь
 по рукамъ въ Германіи. Цѣль его
 была, лишить меня тѣхъ почестей,
 коими Ваше Величество меня удо-
 стоили соизволили, и заимили ми-
 лости Вами на меня изліянныя.
 Но мнѣ надлежалобъ скрыть отъ
 Вашего Императорскаго Величе-
 ства непоспости чловѣка, несча-
 сшнаго своими спраспями, да и
 пишу о помъ единспвенно изъ опа-
 сенія, чшобъ Вейкардтъ, извѣсп-
 ный Вамъ подъ именемъ моего
 друга, не могъ употребить у Васъ
 во зло сего наружнаго имени.

25 и 26 Октября познакомился
 я лично съ господиномъ Роджерсо-
 номъ, первымъ докторомъ Вашего
 Императорскаго Величества, ко-

порый привелъ меня въ воспоргъ
образомъ своихъ мыслей, благород-
ствомъ души и пріятностію своего
обхожденія.

Чувствованія, коими Ваше Импе-
рашорское Величество изволише
чпшишь прахъ славнаго Короля Прус-
скаго, такъ какъ и всѣ вообще
слова и дѣла Ваши, показывають
великостъ Вашего сердца. Почи-
паніе, изъявленное симъ умираю-
щимъ Королемъ Вашему Величеству
и Вашей славѣ, во время разговора
его со мною, было неиное чшо,
какъ повпореніе разговоровъ, кои
онъ имѣлъ весьма часшо съ своимъ
Камергеромъ Маркизомъ Лукезини.
Сей молодой и любезный Ишалія-
нецъ, одинъ изъ ученѣйшихъ, ра-
зумнѣйшихъ и при томъ почпен-
нѣйшихъ своимъ характеромъ, му-

жей въ Европѣ, составляялъ послѣд-
 нія шесть лѣтъ жизни сего Мо-
 нарха единственное его общество
 въ досужные часы, будучи, какъ
 говорятъ, хранилищемъ всѣхъ его
 мыслей и чувствованій. Я знаю
 отъ самаго Лукезини, что Ваше
 Императорское Величество въ пе-
 ченіи сихъ шести лѣтъ были всегда
 предметомъ разговоровъ и удивле-
 нія сего великаго Государя. Луке-
 зини писалъ ко мнѣ еще 16 Сен-
 тября сего года слѣдующее: „Всегда
 „буду сохраняю драгоцѣннѣйшую
 „память разговоровъ, кои я имѣлъ
 „съ Королемъ о сей великой Госу-
 „дарынѣ; и когда обстоятельство
 „мнѣ позволятъ заняться чѣмъ ни-
 „будь относящимся къ жизни Фри-
 „дерика, то изданіемъ оныхъ въ
 „свѣтъ не боюсь сдѣлать ей не-
 „угодное.“

Изъ всѣхъ разумныхъ людей, коибѣ спали занимаешься изданіемъ записокъ о покойномъ Королѣ Прускомъ, никто, можетъ быть, не имѣетъ большей способности ихъ писать, какъ Лукезини, бывшій споль долго наблюдашелемъ, и никто не напишетъ ихъ съ большею философіею и съ большимъ достоинствомъ. Но кромѣ сего я знаю еще весьма важныя дарованія въ Маркизѣ Лукезини.

Наступающее дальнее путешествіе Самодержицы обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, обращаетъ на себя вниманіе Европы и Азіи. Все великое и важное, предсавляемое симъ путешествіемъ всѣмъ народамъ, не можетъ сравниться съ зрѣлищемъ, копорое оно предсавляетъ философу. Ваше Импера-

порское Величество не довольны
тѣмъ, что во все печеніе един-
ственнаго своего царствованія по-
дали собою примѣръ всѣхъ добро-
дѣтелей украшающихъ троны, по-
тому что послѣ всего вами сдѣ-
ланнаго, желаете еще увидѣть,
что еще дѣлать остается. Ваше
присутствіе подаетъ новую жизнь
и силу всѣмъ частямъ Вашего вла-
дычества. Всякъ недостойный слу-
житъ Вамъ, скроешься съ очей Ва-
шихъ, а человекъ добродѣтельный
и неизвѣстный, явится въ полномъ
свѣтѣ. Исторія соберетъ великія
и человеколюбивыя дѣянія, кои про-
славятъ всѣ дни сего героическаго
шествія, и Государи, препрово-
ждающіе жизнь свою во внутрен-
ности своихъ дворцовъ, съ прече-
помъ познаютъ изъ сего великаго

примѣра, что все окружающее корону сіяніе изчезаетъ передъ славою, доспойно носить оную.

Имѣю честь бысть со всемъ удивленіемъ позднѣйшаго пошомства.

П И С Ь М О ХІV.

Отъ Императрицы.

Пешербургъ, 26 Декабря 1786.

Г. Циммерманъ!

Я получила ваше письмо отъ 28 Ноября; прежде нежели дойдешъ къ вамъ мое, узнаете, что ваши одобренія были не безъ успѣха. Всѣ вообще довольны людьми отъ васъ присланными. Признаюсь, что не понимаю ничего въ поступкѣ Вейкардша, почиая его всегда вашимъ пріятелемъ по самое полу-

ченіе письма вашего; я не видала его съ Іюля мѣсяца. Господинъ Роджерсонъ къ намъ возвратился и говорилъ мнѣ объ васъ съ почтеніемъ и привязанностію. Черезъ недѣлю отправлюсь отсюда въ Кіевъ, гдѣ по вскрытіи рѣкъ побѣду водою внизъ по Днепру до пороговъ, попомъ осмопрю Тавриду; всего на все надобно мнѣ обвѣхашъ сухимъ пушемъ и водою пяшь шысячъ верстѣ; но не смопрю на шо, думаю возвратишься въ печеніи Іюня мѣсяца. Прощайте, государь мой, будьте здоровы и увѣрены въ моемъ почтеніи.

ЕКАТЕРИНА.

П И С Ь М О XV.

Отъ Императрицы.

Изъ Кіева отъ 21 Апрѣля ст. ст.
1787 года, во время путеше-
ствія въ Тавриду.

Государь мой!

Съ великимъ удовольствіемъ получила я письмо ваше отъ 6 Марша. Я живу здѣсь съ 29 Генваря по старому спилу, пошому что Днепръ вскрылся не прежде 23 Марша. Завпрѣ отправлюсь въ пущь и побѣду внизъ по Днепру до Херсона, еспьли въ порогахъ будетъ довольно воды для проѣзда. Кіевъ своимъ положеніемъ еспь мѣсто совершенно живописное. Отъ прежняго его великолѣпія оспались однѣ богатыя церкви. Чешыре часпи города, находящіяся на горѣ и по долинѣ,

весьма обширны, но очень худо застроены. Однакожь давно уже сей городъ не имѣлъ споль большой нужды въ хорошихъ кварширахъ, какъ во время прехъ-мѣсячнаго моего въ немъ пребыванія; число разныхъ прїѣзжихъ народовъ было весьма велико. Трудно опгадась, чшо ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо не лзя полагасть, чшобъ всѣ они обманушы были нѣкопорыми газетами, копорыя изо всей силы повѣщали будущее мое коронованіе въ Тавридѣ, или здѣсь, о чемъ никогда и не думано.

Я очень рада, чшо вы хорошо опзываетесь о Сибирскомъ Шаманѣ, ибо и сама очень люблю сію піесу, но опасаясь, чшо она никого не исправитъ. Нелѣпоспи спойки, содержащіяся же въ сей піесѣ сдѣ-

лались модными. Большая часть Нѣмецкихъ Принцовъ думаютъ, что слѣпо предаваясь всѣмъ симъ фиглярствамъ, принадлежатъ къ искусству жить въ свѣтѣ; они ужь наскучили здоровою философіею. Помню, что въ 1740 году головы менѣе всего философскія, хотѣли бытъ философами, по крайней мѣрѣ въ шакомъ случаѣ разсудокъ и общій смыслъ не теряли своей силы. Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, копорые прежде сего не были дураками. Прощайте, государь мой, будьте здоровы и увѣрены въ моемъ почтеніи.

ЕКАТЕРИНА.

Кіевъ, 21 Апрѣля сп. сп. 1787.

Р. С. За новоспѣ извѣ здѣшняго мѣсца скажу вамъ, чшо во спѣ верспахъ опсюда, и именно вѣ Канифѣ, буду имѣть свиданіе съ Королемъ Польскимъ, на моихъ галерахъ среди рѣки, и чшо вѣ Херсонѣ надѣюсь встрѣпшися съ Графомъ Фалкенштейномъ (Императоромъ Іосифомъ II.)

П И С Ь М О XVI.

Отъ Императрицы.

Во время путешествія извѣ Тавриды.

Москва, 1 Іюля 1788.

Государь мой!

Письмо ваше отъ 12 Іюня получила я на дорогѣ; я возвратилась сюда 24 Іюня сп. спила, а завтрѣ, или послѣ завтрѣ поѣду опсюда

вѣ Петербургѣ. Не знаю, кѣ чему сполько заботяшся говоришь слишкомѣ хорошо и слишкомѣ худо о семѣ путешествіи. Оно задумано уже было за при года для разсѣянїя припадка ипохондрїи, ошѣ котораго Ваша книга *о уединенїи* совершенно меня свободила. Я поѣхала зимою, желая воспользовашься зимнимѣ путемѣ; вѣ Кїевѣ ожидала весны, которая насупила поздно; ошшуда ошправилаь водою по Днепру, для шого чшо вѣ путешествіи за шесць тысячѣ верстѣ не лзя пренебрегашь нѣсколькими сотнями верстѣ, кои весьма спокойно на галерѣ проѣхашь можно. Изѣ всего онаго свѣпу угодно было соспавишь путешествие романическое, блистательное, героическое, комическое, и придашь оному важ-

носпь, о копорой я никогда не могла и подумашь. Теперь я возвращилась, и ни сколько не жалбю, что предпринимала сіе дальнее путешествие, копорое почти совершила безъ всякихъ непріятностей для всѣхъ со мною бывшихъ. Я видѣла прекраснѣйшія земли и прекраснѣйшіе климаты въ свѣтѣ, видѣла вездѣ множество спариковъ, а сіе, по моему мнѣнію, доказываетъ, что сіи климаты, и имянно въ Тавридѣ, не столь опасны какъ полагають; днемъ жарко, но какъ скоро зайдетъ солнце, то довольно холодно. Думаю, что еспьли пипь вино съ умѣренностію, и единственно для подкрѣпленія желудка, ослабѣвшаго частыми испареніями, а при томъ ввечеру одѣваться теплѣе, нежели днемъ, то можно

избѣгають лихорадокъ, на кои понынѣ жалуются. Сіи лихорадки желчныя, жаръ бываетъ великъ, онѣ дѣлаютъ человека нестерпимымъ, малѣйшая вещь приводитъ тогда желчь въ волненіе; всѣ мы сердились за самую бездѣлицу, а минушу спустя сами смѣялись своему сердцу. Въ Бакчисараѣ, прежней столицѣ Хановъ, была мечеть прошивъ моихъ окошекъ, гдѣ пять разъ на день Иманы съ великимъ крикомъ созывали народъ къ молишвѣ. Не знаю, небо ли худо слышитъ ихъ молишвы, но знаю то, что всякъ согласился совсѣмъ оглохнуть, только чтобы не слышавъ ихъ возни въ мечетѣ; надобно имѣть большую привычку, чтобы терпѣливо сносить споль сильное (вышье). Между ими есть

шакіе люди, кои вершышся до шѣхъ порѣ, пока не упадушѣ въ обморокѣ, и все кричащѣ алла гюе; шакія очень близки получишѣ вдохнове- ніе, а слѣдовашельно не очень да- леки опѣ Шамановѣ Сибирскихъ и Нѣмецкихъ. Не знаю бу- дешѣ ли сполько смѣлѣ, чшобѣ перепечашапѣ *Шамана, Обманщика* и *Оболещеннаго*, и думаю, чшо сіи піесы по смыслу нынѣшняго вре- мени почишаюшся уже запрещен- нымѣ шоваромѣ. Я видѣла въ Гам- бургскихъ газешахъ возраженіе, сдѣланное вами на магнешизмѣ (*) въ Спразбургѣ, и чшо во ономѣ возраженіи упомянули вы о Шама-

(*) Ученіе, занимающееся опкрышіемѣ магнешнаго свойства въ шѣлахъ живопныхъ.

нахъ Сибирскихъ. Ласкаюсь надеждою, что не замедлятъ выписать изъ Спразбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается споль постоянная склонность къ подобнымъ шарлапанамъ; могу увѣришь напередъ, что они будутъ подешевлѣ, и удобнѣе обманутъ, нежели Калиоспро и шоварици. Но въ свѣтѣ не одинъ родъ вѣтреныхъ мѣльницъ въ модѣ, и не одинъ Донъ-Кишотъ любитъ ихъ строитъ, чшобъ послѣ сражаться съ ними. Всего хуже полипическія вѣтренныя мѣльницы и ихъ рыцари; они раздуваютъ повсюду вражду, и когда посмотришь поближе, то не лзя не согласишься, что всѣ сіи мѣчшы происходятъ отъ головъ двухъ, кои ихъ выдумываютъ един-

ственно для того, чтобъ шѣмъ
приподнять свою особу, копорая
безъ того совсѣмъ непримѣшна.
Мое здоровье въ лучшемъ соспоя-
ніи и мои издержки не столь ве-
лики, какъ пишушъ о помѣ въ Гол-
ландскихъ газетахъ, и я пребываю
съ испиннымъ къ вамъ почшеніемъ.

ЕКАТЕРИНА.

П И С Ь М О Х V I I .

Отъ Императрицы.

Санктпешербургъ, 3 Декабря 1787.

Государь мой!

Вы скажете, что поздно отвѣ-
чаю на ваше письмо отъ 4 Сен-
тября, однакожъ лучше поздно, не-
жели никогда. Правду сказаць, по-
слѣдніе три мѣсяца были очень
хлопошлывы. Скоро послѣ возвраще-

нія моего въ Москву вздумалось блисшашельной Поршѣ и не блисшашельнымъ ея совѣшникамъ обвѣявшъ мнѣ войну, какъ вамъ уже извѣсно; бышъ шакъ, до сихъ поръ бѣда еще не шакъ велика. Ешпльи удасшся мнѣ побитъ моихъ непріашелей, шо надѣюсь, чшо и шѣ и другіе будущъ опъ шого довольнѣе; а какъ у меня шакое правило, чшо когда дѣло идетъ о ударахъ, шо лучше ихъ наноситъ другимъ, нежели самой получашь, по чему и спаралась сдѣлашь соглашныя шому распоряженія; сдѣлавъ же оныя, принимаюсь за перо опвѣшшвовашъ на Ваше письмо. Путешешвіе мое въ Тавриду представляешся мнѣ шеперь сновидѣніемъ. Миниспру моему въ Констаншинополѣ сдѣлали за просшо

предложеніе, возврапишь Тавриду: бездѣлица, копорую легко сказаць, но къ копорой не доспавало двухъ вещей, съ одной спороны общаго смысла, а съ другой возможности на то согласишься. Сверхъ же того, мы не считаемиъ великимъ благополучіемъ, лишиться одной или двухъ провинцій. Намъ кажется, что Государства не имѣютъ свойства ровнѣ, изъ коихъ чѣмъ больше вырываютъ земли, тѣмъ больше они спановящяся. Правда, что судя по образу производства дѣлѣ блестящей Порпы, трудно разпознаць въ ономъ слѣды Европейскія. Но возврапимся къ путешествуію, о копоромъ вы ко мнѣ пишете. Я споль скоро пробѣжала Тавриду, видѣла сполько предметовъ, и имѣла споль хорошее обще-

сво, что мнѣ не было времени
дѣлать всѣ тѣ разсужденія, коибѣ
могла и долженствовала въ меня
внушать сія страна, столь бога-
тая произшествіями и плодоно-
сная. Однакожѣ очень помню до-
лину Алмазія и Европейцовъ мною
тамъ видѣнныхъ, съ которыми за
меня говорилъ мой знаменитый
спутникъ (Императоръ Іосифъ II),
а я умирая отъ жару, была рада,
что могла нѣсколько времени мол-
чать. Признаюсь, что легко удо-
влетворить сихъ новыхъ жителей
Крыма, потому что одна улыбка
дѣлала имъ много удовольствія.
Еслибѣ счастье изливалось на
землю посредствомъ веселости,
тогда сіе путешествіе могло бы
многихъ осчастливить; ибо трудно
путешествовать веселѣе и въ луч-

шемъ обществѣ. Все худое, сказанное о нездоровомъ воздухѣ Тавриды, сказано, написано и напечатано Европейцами. Сии вновь пришедшіе шуда люди жалуются на скуку, и не слѣдуютъ обычаямъ тамошнихъ уроженцовъ, копорые здоровы, живутъ до старости и довольно размножаются, особливо Иманы, кои составляютъ часто большую половину жителей въ деревнѣ, и получаютъ съ нихъ десятину. Къ сему о Иманахъ; комѣ присланы шѣ три комедіи, коихъ первые листы видѣли въ Пирмоншѣ. Говорятъ, что всѣ Шаманы новыхъ сектъ побѣхали въ Швейцарію; увидимъ, горные опголоски будутъ ли разносить звуки Апостольства. У насъ же все проэкты уступили мѣсто одному,

соспоящему въ оборонѣ Государства
неправедно нападаемаго. Спранно
видѣшь подлыя уловки, упопробляе-
мыя прошиву насъ нашими зависш-
никами; каждый почповый день
они лгушъ, даюшъ деньги газетчи-
камъ, и заспавляюшъ ихъ бипъ
насъ въ газешахъ дважды въ не-
дѣлю не выходя изъ порядка. То же
самое дѣлали и въ прошедшую вой-
ну, но произшесшвія, а особливо
миръ, доказали, что шаковы лжецы
и кого побивали. Еспъли вамъ ска-
жушъ, что Турки взяли Кинбурнъ
на оспровѣ Таманѣ, что они под-
спутили къ Таганрогу и Азову, что
испробили флотъ Севаспopolitanскій,
не вѣрьте ни одному слову. Сей
флотъ во время равноденспвія по-
терпѣлъ отъ сильнаго вѣспра, и
даже лишился одного корабля и

одного фрегата, Турецкій же флотъ прешерпѣлъ больше, нежели вдвое, да и по умѣренно полагаю, но впрочемъ мы не поперяли земли ни одного вершка.

Прощайте государь мой, будьте здоровы и увѣрены въ моемъ къ вамъ уваженіи.

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО XVIII.

Отъ г. Циммермана.

Ганноверъ, 1 Января 1788.

Конечно не дерзнулъ бы я писать къ Вашему Императорскому Величеству въ такое время, когда Вы изволили приуготовлять удивительнѣйшую переѣзную изъ всѣхъ мѣхъ, о коихъ исторія новѣйшихъ временъ послѣ паденія Греческой

Имперіи повѣспововала, когда опредѣляете новый ходъ важнѣйшимъ дѣламъ въ Европѣ, и когда послѣ славнаго и счастливаго начала, вскорѣ можете ожидать непрерывныхъ побѣдъ и лавровъ всегда знаменитѣйшихъ, естлибѣ не имѣли надобности писати о дѣлѣ, касающемся и до Вашей любви къ челоувѣчеству и до славы Вашея Имперіи.

Въ началѣ прошедшаго лѣта, когда Россія наслаждалась еще совершеннымъ спокойствіемъ, Ваше Императорское Величество имѣли великое намѣреніе отправить Россійскую ескадру вокругъ земнаго шара. Кромѣ открытій, коими всѣ народы моглибѣ воспользоваться отъ сего предпріятія, Имперія Вашего Величества имѣла въ ономъ особенное участіе, въ разсужденіи

торговыхъ связей, кои предпола-
гаемо было завести между Россією
и Японією, и многихъ другихъ ви-
довъ сколько новыхъ, сколько же
и великихъ. Наступившая война
съ Турками, и участь, пригошляе-
мая Вашимъ Величествомъ Имперіи
сихъ гордыхъ и грубыхъ Опшоман-
новъ, конечно не позволяеть ду-
мать о путешествіи около свѣта,
которое предпринято было изъ ви-
довъ прямо миролюбивыхъ.

Но здѣсь идетъ дѣло о благо-
денствіи или несчастіи чуждаго
человѣка съ великими достоинства-
ми, который былъ бы душою сего
великаго предпріятія.

Господинъ Форстеръ сынъ, объ-
ѣздившій уже свѣтъ съ Капитаномъ
Кукомъ и сообщившій испо-
рію сего славнаго путешествія

сѣ шолкимѣ умомѣ, пользою и славою, имѣлѣ посшоянное и доходное мѣсцо вѣ Вильнѣ, гдѣ жилѣ сѣ своимѣ сѣмейспвомѣ. По приглашенію Россійскаго Адмиралшества осшавилѣ онѣ навсегда мѣсцо вѣ Вильнѣ, привезѣ свое сѣмейспво вѣ Гешпингенѣ и гоповилсѣ уже ѣхашѣ опшуда вѣ Англію, и шамо ожидашѣ эскадры Вашего Величествѣ. Насшашѣ война сѣ Турками; господинѣ Форшперѣ не получаешѣ опшѣша на всѣ свои письма вѣ Россію, и сей человекѣ сѣ великимѣ умомѣ и сѣ познаніями, исполненный жара и усердія кѣ службѣ Вашего Величествѣ, живешѣ вѣ Гешпингенѣ безѣ всякой надежды, безѣ дѣла и не у чего.

Находясь вѣ семѣ горешномѣ положеніи, господинѣ Форшперѣ

приѣзжаетъ изъ Гипшингена ко
мнѣ, да и теперь еще въ Ганно-
верѣ. Будучи весьма скромнѣ, не
хотѣлъ онъ прѣбывать отъ меня
услугъ въ свою пользу, но хотѣлъ
только, чтобъ я почувствовалъ
его разстройку. Изъ собственнаго
моего побужденія предложилъ я ему,
что буду просить объ немъ чело-
вѣколюбивое сердце Вашего Импе-
рапорскаго Величества. Я испре-
бовалъ у него прилагаемую при
семъ записку, изъ которой Ваше
Величество изволише усмотрѣть
все сіе дѣло. Я думаю, что если-
либъ Вы сооблаговолили принять го-
сподина Форшера въ свою службу,
опредѣливъ ему пенсіонъ, который
послужилъ бы замѣною оставлен-
наго имъ мѣста въ Польшѣ, тогдабъ
и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ

могъ онъ бышь Вамъ полезенъ своимъ умомъ, и всѣми приобрѣтенными имъ познаніями. По чему и просилъ я его означить въ концѣ своей записки, какимъ образомъ по его мнѣнію можеть онъ бышь употребленъ къ дѣлу въ продолженіе войны съ Турками. Опъ будущихъ повелѣній Вашего Величества зависить употребить впредь господина Форстера къ путешествію около свѣша, и онъ во всякое время будетъ къ сему готовъ и охоченъ.

Пребуду всегда съ воспоргомъ, Вашимъ Величествомъ внушаемымъ, и проч.

П И С Ь М О XIX.

Отъ г. Циммермана.

Санктпетербургъ, 1 Февраля 1788.

Государь мой!

Мнѣ должно опвѣстствовать на два ваши письма отъ перваго и пятнадцатаго Января; въ первомъ говоришя о дѣлѣ господина Форшера. Надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ, ибо не только что Адмиралтейство уступило ему сумму имъ полученную; но я препоручила еще Графу Ангальшу опредѣлить господина Форшера въ мою службу при Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ пошлѣ Графъ главнымъ Директоромъ. Отсюда удобно уже будетъ употребить его по его способности, или по желанію, или лучше сказать смотря на пользу дѣлѣ.

Конечно жаль, что Экспедиція, для копорой онъ былъ принятъ въ службу, нынѣ не состоялась, и опложена до благопріятнѣйшаго времени, но еще не потеряна (*). Я очень желаю видѣть по любопытное и важное сочиненіе, о копоромъ вы, государь мой, меня извѣщаете, и сдѣлаете мнѣ великое удовольствіе присылкою онаго въ Пешербургъ. Не знаю, будетъ ли сей годъ обилень произшествіями, но по очень извѣстно, что бли-

(*) ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I. въ числѣ многихъ великихъ дѣлъ Своихъ изволилъ исполнить и сіе предсказаніе, опправленіемъ въ нынѣшнее лѣто Морской Экспедиціи въ Японію, подъ начальствомъ господина Камергера Резанова.

спашельная Порша дѣлаешѣ спраш-
ныя приугошовленія, и опправила
уже своего перваго чиновника по
иноспранному департаменту, пред-
водишельспвовашь арміею. Еспьли
онѣ и шамѣ будешѣ посшупашъ
споль же премудро, какѣ оппра-
влялѣ прежнее свое служеніе, шо
мы непремѣнно чудеса увидимѣ.
Должно признашъся, чшо онѣ какѣ
первый зачинщикѣ войны, весьма
дѣльно опредѣленѣ кѣ сему мѣспу,
дабы за всѣ безпокойспва запла-
тишь своею головою. Я оборо-
няюсь, ибо на меня напали. Нѣко-
порая часшь Европы силишъся раз-
глашашъ, чшо я намѣрена разру-
шишь Турецкую Имперію; хотѣ-
лабѣ я спросишь ихѣ: развѣ почи-
таешѣ эшо возможнымѣ? Да и вы
согласишѣсь, чшо можноль вѣ два

похода разрушить Имперію обширную, имѣющую въ себѣ безчисленное множество жителей, и въ которой принимающѣ участіе сколько кабинетовъ въ Европѣ? Весьма благодарю васъ, государь мой, за совѣтъ, въ разсужденіи больной дѣвицы; и какъ я вижу, что вы совѣщуете ей пользоваться цѣлительными водами въ Спа, или Пирмоншѣ, то и просила ея брата, чтобы онъ посоветовалъ пользующему ее лѣкарю испытать Беспушевскія капли, коихъ секретъ я купила, и видѣла, что кто ихъ ни употреблялъ, то всегда съ удивительнымъ успѣхомъ, о чемъ могу говорить по собственному моему опыту.

Я приказала написать Князю Потемкину о докторѣ Мейерѣ, чтобы

ему позволили сюда прїѣхать. Я буду сообщать вамъ о каждомъ прїяшномъ извѣстїи, какое шолько получу; чшо жъ касается до взяпья Конспаншинополя, то объ ономъ васъ не увѣдомлю; ибо не думаю, чшобъ это было возможно, и вопѣ для чего шеперь же посылаю къ вамъ шапку, копорой вы просили, такъ же чай и Мокской кофей. Прощайше, будьте увѣрены въ моемъ почшенїи.

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО XX.

Отъ Императрицы.

Въ Царскомъ селѣ, 6 Маїя 1788.

(отправлено 28 Маїя.)

Государь мой!

Вы скажете, чшо я очень неисправный корреспондентъ, и это

правда. Я должна вамъ двумя оп-
 вѣшанми на ваши письма опъ 14
 Марша и 25 Апрѣля, изъ коихъ въ
 первомъ увѣдомляете о прибытіи
 шапки съ поварищи, о ихъ успѣхѣ,
 а особливо первой передъ зерка-
 ломъ. Кажется, что это лучше
 удалось, нежели распоряженія о
 господинѣ Форшперѣ, копорому,
 какъ я думаю, опсовѣщавали сюда
 пріѣхашь. Я писала къ Князю По-
 шемкину о докшорѣ Мейерѣ, и еще
 спрошу его, что по оному сдѣ-
 лано; не знаю, можноль помѣспишь
 сего докшора въ Воронежѣ, ибо вы
 и сами согласитесь, что не спра-
 ведливобъ было опспавишь дру-
 гога, еспъли онъ человекъ иску-
 сный. У насъ никто еще ни пен-
 сіи ни награжденій не лишался, и
 шакъ вы можете бышь спокой-

ны по сему случаю ; я обѣщаю вамъ обстоятельно освѣдомишься о всемъ, касающемся до покровительствуемыхъ вами въ Тавридѣ. Больной дѣвицѣ, въ разсужденіи кошорой просила я у васъ совѣта, теперъ нѣсколько лучше. Я не получила еще вашего сочиненія ; оно у господина Гросса въ Гамбургѣ. Сужденія придворныхъ суть обыкновенно изъ числа такихъ, кои меньше всего заслуживаютъ вниманія. Сіи люди хопя и ходятъ носъ вздернувши, однакожъ близоруки и испорчены лорнешами, кои у нихъ изъ рукъ не выходятъ. Они подобны людямъ, споящимъ въ низу башни, и вещи, копорыя находятся на самомъ верьху башни, всегда уходятъ отъ ихъ зрѣнія.

Естьли ваше воображеніе не оставитъ дороги въ Конспаншинополь, то вы насъ тамъ не найдете, а сполкнешесь съ шѣми, кои ревностно спараюшся сдѣлать намъ сей путь затруднительнымъ.

Вы пишете ко мнѣ, государь мой, что я имѣю на своей споронѣ: *усердіе и желаніе добра всѣхъ тѣхъ, кои въ каждой землѣ, безъ предубѣжденій и безъ страстей, раззуждаютъ умѣютъ*; конечно легче для меня имѣть такую паршію, но должно признаться, что она будетъ весьма не многочисленна.

Три вещи дѣлали мнѣ всегда много добра въ свѣтѣ: во первыхъ, спрасъ моихъ зависпниковъ; во вторыхъ, худые средспва, двоедушіе и лжи моихъ непріятелей. Въ прешнихъ, поелику и шѣ и другіе

начинали свои дѣла наполненіемъ мечпаній своего воображенія, по согласію сему и поступали; они были очень далеко отъ разсудка и истинны, коимъ не хотѣли вѣришь, попому что она была не по ихъ желанію.

Думаю, что ученики Каліоспровы столь же безопасны какъ и Магомешовы, и что ихъ видѣнія имѣють теперь самую большую важность; эта секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ. Съ удовольствіемъ читала я присланную мнѣ отъ васъ поему Елиза. Благодарю за изъясненіе; оно мнѣ слишкомъ много Chespi дѣлаешъ. Прилагаю у сего Алкоранъ, печатанный въ Пешербургѣ, и копораго вы у меня просили для библіотеки Гешпингскаго Университета. Кажется, что для

него нѣшѣ лучше мѣста; прошу васѣ послашь его шуда вмѣстѣ съ первымъ извѣспіемъ, кошорое вамѣ сообщу о успѣхахѣ надѣ Турками.

Вѣрьте, что вашимъ сочиненіемъ не надобно бояшся ни моего веселаго, ни моего скучнаго нрава, при помѣ же мой нравѣ, шакѣ какѣ и мое здоровье, весьма ровенѣ; я опѣ природы весьма весела и даже когда не домогаю, шо и вѣ шо время привожу вѣ смѣхѣ меня окружающихѣ. Чепыре года шому назадѣ, какѣ ваша книга *о уединеніи* излѣчила меня опѣ ипохондріи, сообщившей мнѣ слишкомѣ много чувствительности, кошорую еще умножили, хопѣвѣ ее прогнашь, и принявшисѣ за шо весьма не ловко. Препровождаю кѣ вамѣ при семѣ комедію, вышедшую вѣ продолже-

ніи сей зимы изъшой же фабрики, изъкоей и при первыя; желаю чшобъ вы сдѣлали ей честь хошь одною улыбкою, и чшобъ никогда не видали вѣ свѣтѣ харакпера, похожаго вблизи или изъдали на сего Двораброта (*), о коемъ здѣсь идетъ рѣчь; говорятъ, что онъ новѣе на театрѣ, нежели вѣ свѣтѣ. Впрочемъ будьте увѣрены вѣ чувствованіяхъ моего къ вамъ почтенія, кои вамъ уже извѣсны.

Оканчиваю сіе письмо 28 Маія, 1788.

(*) Дѣйствующее лице вѣ комедіи разспроенная семья.

ПИСЬМО XXI.

Отъ Императрицы.

Въ Царскомъ селѣ, 27 Іюня 1788.

Государь мой!

Я обѣщала увѣдомлять васъ о новостяхъ, кои получашь буду; сообщаю теперь нѣкопорыя, полученные мною одна за другою. 7 Іюня спараго спила, шестьдесятъ гребныхъ судовъ вошли въ Очаковскій Лиманъ, подъ начальствомъ Капшанъ Паши самаго: наши гребныя суда подъ командою Принца Нассау, и наши корабли, командуемая Конпръ-Адмираломъ Поль-Жонесомъ, имѣли съ ними сраженіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ. Много Турецкихъ кораблей пошло, другіе поднялись на воздухъ.

Уронъ ихъ проспирается вообще до осьмнадцати кораблей, оспальныя же бывъ сильно повреждены, удалились подъ Очаковскія пушки. Семнадцатаго числа того же мѣсяца Капитанъ Паша явился опяшь въ Лиманъ съ оспавшимися у него и починенными гребными судами; восемь военныхъ Турецкихъ кораблей о семидесяти чепырехъ и шестидесяти пушкахъ содѣйствовали сему нападенію. Намѣреніе ихъ было не только испребить наши суда со Днепра пришедшія, но и покуситься на новое предпріятіе у Кинбурна. Однакожъ ихъ такъ хорошо приняли, что изъ осьми приведенныхъ ими военныхъ кораблей шесть поднялись на воздухъ, а два взяты. Изъ гребныхъ судовъ только шридцать спаслось подъ

Очаковскую крѣпость. Мы взяли въ плѣнъ болѣе чешырехъ тысячъ Турокъ; Капитанъ Паша и его Вице-Адмиралъ потеряли свои корабли, и Шпандаршъ Турецкой Имперіи попалъ въ наши руки. Всего чрезвычайнѣе, въ семъ дѣлѣ по, что гребныя суда съ помощію, правда башарей съ Кинбурнской косы, могли истребить споль значный флотъ, ибо наши корабли шянулись козацкими гребцами, подъ командою Бригадира Алексіано, и имѣя безпреспанно прошивный вѣтръ, почти совсѣмъ не могли дѣйствовать. Князь Пошемкинъ доставилъ ко мнѣ сіе второе извѣстіе съ Графомъ Апраксинымъ, Капитанъ-поручикомъ гвардіи Преображенскаго полку, копорый въ оба сраженія былъ безопходно у

у Принца Нассау. Фельдмаршалъ Князь Пошемкинъ приступилъ теперь къ осадѣ Очакова, и сообщеніе между флотомъ и арміею подъ Очаковскими респраншаменами совершенно свободно. Надѣюсь, что сіи добрыя вѣсти васъ порадуютъ. Забудьте, что Севастопольскій флотъ совсѣмъ не участвовалъ въ сихъ двухъ сраженіяхъ. Сообщивъ вамъ пріятныя новости, намѣрена сообщить другія, совсѣмъ противоположнаго свойства. Король Шведскій узнавши, что я вооружаю нѣкопоруую часть моего Кронштадскаго флота для отправленія въ Средиземное море, вздумалъ притвориться, что будто сіе ему подозрительно. Онъ началъ вооружаться сухимъ пушемъ и водою, увѣряя своихъ подданныхъ и разглашая повсюду, что это дѣ-

лаешся для обороны, по тому что я на него напасшь намбрена, хоша по чеспи, никогда мнѣ не приходило на умѣ завидовашь голымѣ его каменьямѣ. Замѣшьше, что по силѣ главныхъ законовъ Швеціи, его величество не долженѣ ни на кого нападашь безѣ позволенія чиновѣ государспвенныхъ. Но его величество не раздумчивѣ, вооружившись на сушѣ и на морѣ для своего обороны, уже и сдѣлалѣ на меня нападенія вѣ мирное время и безѣ всякаго обьявленія войны. Миниспрѣ мой избравѣ вѣ Спокгольмѣ случай, обьявилѣ миниспру Короля Шведскаго, что я не имѣю опнюдѣ непріязненныхъ намбрений ни прошивѣ его, ни прошивѣ его народа; шупѣ его величеству разсудилось

оскорбишься, для чего имя народа поспавлено было послѣ его имени, и онѣ приказалѣ моему миниспру выѣхать въ восемь дней изъ Спокгольма. Узнавъ сіе, выслала я его миниспра, и за чешыре дни передѣ симѣ слышу, что онѣ уже сдѣлалѣ нападеніе на Нишлошскую крѣпоспѣ въ Россійской Финляндіи. Ласкаюсь, что не смопря на, Еврола опдаспѣ мнѣ справедливоспѣ. Никогда еще не бывало дѣло справедливѣе моего; правосудіе, разсудокѣ и испинна сѣ моей спороны, впрочемѣ какѣ угодно будешѣ Провидѣнію рѣшитѣ оное. Въроломспво со спороны непріятельской никогда еще не оказывалось сильнѣе, какѣ нынѣ со спороны Короля Шведскаго прошивѣ меня. Смѣло опдамѣ

мое дѣло на рѣшеніе всѣмъ Уни-
верситетамъ въ свѣтѣ.

Прощайте, государь мой, будьте
здоровы.

Въ Царскомъ селѣ, 27 Іюня 1788.

П И С Ь М О XXII.

Отъ Императрицы.

Санктпетербургъ, 20 Іюля 1788.

Надѣюсь, государь мой, что вы
получили уже мое письмо, въ ко-
торомъ я увѣдомила васъ о вы-
игранномъ морскомъ сраженіи, быв-
шемъ 6 Іюля между моимъ и Швед-
скимъ флотами (*). Сегодня поль-

(*) Здѣсь говорится о письмѣ отъ 10
Іюля, котораго издатели подлин-
ныхъ писемъ не помѣстили.

зуюсь опправленіемъ курьера и пишу къ вамъ; въ Финляндіи были три сшибки, гдѣ мы не только сбили съ мѣста поспѣ его Шведскаго величества, но еще чело-вѣкъ со спо полонили и взяли пушку. На Черномъ морѣ весь бывшій подѣ Очаковымъ Турецкій флотъ испребленъ въ чешырехъ сраженіяхъ; Севастопольскій флотъ вышелъ изъ гавани и впораго Іюля крейсировалъ на высопѣ Козлова. Фельдмаршалъ Князь Пошемкинъ занимается осадою Очакова. Письмо ваше я получила и читала его съ великимъ вниманіемъ. Я очень рада, что вы опдаете справедливостъ памяти великаго челока. Знаю книгу господина Волнея, копорую вы ко мнѣ прислали. Турки Христіане гораздо хуже наспоющихъ

Турокъ. Но Богъ сдѣлаетъ все по своему. Увидимъ, что произведутъ замыслы Короля Шведскаго.

Я не сержусь за то, что комедія *Разстроенная семья* вамъ показала хорошою; теперь у насъ военные комедіи. Петербургъ имѣетъ видъ мѣста сраженія, да и я сама живу какъ будто въ главной квартирѣ. Говорятъ, что докторъ Мейеръ сюда пріѣхалъ; я приказала разсмотрѣть по всѣмъ ли спашьямъ сдержали ему слово. Приказала также взять нужныя свѣденія о Брандау.

Прощайте, государь мой, будьте здоровы; *обѣимъ намъ должно побѣдить своихъ непріятелей, и я надеюсь, что мы съ ними управимся.*

ЕКАТЕРИНА.

П И С Ь М О ХХІІІ.

Опшѣ г. Циммермана.

Ганноверѣ, 29 Іюля 1788.

• • • • •
 • • • • •

Прежде окончанія Іюля мѣсяца надѣялся было я донести Вашему Императорскому Величеству, что вполнѣ и со всевозможною поспѣшностію исполнилъ я Вашу волю, касательно десяти искусныхъ лѣкарей, копорыхъ Вы изволили требовать для арміи и флотовъ Вашихъ. Я уже отправилъ четверыхъ къ господину Гроссу; и съ часу на часъ ожидаю еще семесыхъ, коихъ пакже со всею скоробшію отправляю въ Гамбургъ и Люрекъ, откуда въ первыхъ числахъ

Августа мѣсяца побѣдушѣ въ Пешербургѣ.

Изъ прилагаемаго при семъ печашнаго лиспочка (*) Ваше Величешво изволише усмошрѣшь, какимъ образомъ Профессоръ Гейне въ Гешпингенѣ далъ знашь публикѣ о великолѣпномъ изданіи Алкорана, коимъ угодно Вамъ сдѣлашь подарокъ библиошекѣ сего славнаго Университеша. Вашему Величешву не прошивно будешѣ узнашь, что Аравійское книгопечашаніе Пешербургскихъ художниковъ по красотѣ своей признано превосходнѣйшимъ всего изданнаго въ Европѣ, и даже въ Англіи. Прошу извинишь Профессора Гейне, что онѣ говоря

(*) Но 120 Гешпингскихъ ученыхъ извѣстій, 1788 года.

объ Алкоранѣ, напечатанномъ для Магомешанскихъ Вашихъ подданныхъ, въ шожъ самое время говоришь о Дворабродѣ, и о восьмомъ и девятомъ томѣ библиотеки Великихъ Князей АЛЕКСАНДРА и КОНСТАНТИНА.

Желаю, чшобъ разсужденіе господина Волнея о нынѣшней войнѣ съ Турками, копорое я осмѣлился опсправить къ Вашему Величеству 4 Юля чрезъ господина Гросса, имѣло счастье Вамъ понравиться. Еспьли сія война продолжится такимъ образомъ, какъ Принцъ Нассау ее началъ своими гребными судами, то скоро надобно будетъ напечатать въ Пешербургѣ новое изданіе Алкорана.

Имѣю честь бышь и проч.

Всепокорнѣйше прошу Ваше Императорское Величество меня извинить, что осмѣливаюсь сдѣлать къ сему письму приписокъ.

Въ самую эту минушу, какъ я хотѣлъ оное печатать, получаю извѣстіе, что приказалъ задержать шесть лѣкарей, коихъ Тайный Совѣтникъ, первый докторъ сего Государя и первый Профессоръ Медицины въ Университетѣ, по выбору и охотѣ принялъ отъ моего имени въ службу Вашего Величества. Сии лѣкари принадлежали къ полкамъ, кои теперь распущены по домамъ, а по сему я и полагаю, что они получаютъ отсшавку безъ всякаго затрудненія. Въ Ганноверѣ гораздо были сговорчивѣе, гдѣ я принялъ трехъ воинскихъ лѣкарей, изъ

коихъ двое принадлежали къ гвардейскому полку; наша военная канцелярія ни мало тому не воспросивилась. Таковъй припадокъ скучнаго расположенія въ господинѣ сдѣлалъ мнѣ шу до-саду, что можешъ спашься отпра-влю только шесть лѣкарей вмѣ-сто десяти, пребываннхъ Ва-шимъ Императорскимъ Величе-ствомъ, и коихъ я надѣюсь оп-равишь въ Гамбургъ до окончанія Юля мѣсяца.

П И С Ь М О XXIV.

Отъ Императрицы.

С. П. бургъ, 11 Октябрия ст. ст. 1788.

Государь мой!

Мнѣ надобно опвѣспивовашь на два ваши письма опѣ двадцашь де-

вяшаго Іюля и пяшаго Сеншября. За при дни передъ симъ получила я извѣсшіе о взяшїи Хошина, который сдался на договорѣ 29 Сеншября соединеннымъ войскамъ, подъ начальствомъ Графа Салпыкова и Принца Кобургскаго. На здѣшней же споронѣ Шведы вышли изъ Россійской Финляндіи. Шведскій флотъ и по нынѣ еще блокированъ въ своей гаванѣ Свеабургской, изъ копорой не выходилъ съ тѣхъ поръ, какъ заѣхалъ шуда послѣ сраженія 6 Іюля, о коемъ они разгласили, будто у насъ выиграла. Его Шведское Величество опнесся нынѣ къ Французскому, Испанскому, Прусскому и Англинскому дворамъ, шакже и генеральнымъ Шпашамъ и къ Королю Датскому, обѣщая каждому

изъ нихъ порознь, что кромѣ его не возметъ другаго посредничества, и прося доставить ему миръ со мною. Вы можете разсудить, сколь искренно можетъ быть такое желаніе мира, когда для скорѣйшаго полученія онаго спарается онъ приглашать всю Европу. Между частными людьми такой поступокъ называется насмѣшкою, когда кому вздумается сказать шеперымъ челоѳкамъ: каждый изъ васъ *одинъ* уполномоченъ будетъ распорядить дѣла мои. Увидимъ теперь, сколь легка будетъ каждому изъ сихъ дворовъ довѣренность его Шведскаго величества. Еслибъ онъ сдѣлалъ такое предложеніе моему Принцу Нассау, то сей опвѣчалъ бы ему вызывомъ на поединокъ. Вы

правду говорите, что объявление войны (*).

Мнѣ пріятно было видѣть хорошей ошзывѣ, сдѣланный въ Гешпингенѣ о Аравійскомъ изданіи Алкорана въ Петербургѣ. *Двороброду* сдѣлано слишкомъ много чести. Библіотека моихъ внуковъ сочинена была единственно для нихъ, исполнивъ же свое назначеніе, не должно ей было ожидать дальнѣйшей похвалы. Я получила посланную мнѣ отъ васъ книгу господина Волнея; онъ пишетъ о матеріи весьма уже извѣстной, и о которой въ Европѣ судитъ каждый по своей справе. Реляцію Адмирала Грейга, о коей вы говорите,

(*) Здѣсь выпущены нѣкоторыя слишкомъ сильныя выраженія.

хорошо по вашимъ словамъ сравнишь съ Если случится, что распустивъ молву о смерти Адмирала Грейга, не вѣрьте; онъ болѣвъ горячкою, но по новымъ полученнымъ мною извѣстіямъ ему лучше. Я рада, что наше объявленіе войны вамъ понравилось. Записка господина Шлафа конечно вручена Вице - Канцлеру Графу Осшерману въ такомъ видѣ, какъ вы читали ее въ газетахъ и журналахъ. Не правда ли, что это рѣдкое сочиненіе?

Признаюсь вамъ, что легче имѣть дѣло съ Королемъ нежели давать мѣста лѣкарямъ такъ, чтобы они были ими довольны (*). Прощайте, будьте здо-

(*) Сіе относится до частыхъ доукъ нѣкошорыхъ лѣкарей, выписанныхъ

ровы и увѣрены въ моемъ непре-
мѣнномъ почтеніи.

П И С Ь М О ХХV.

Отъ Императрицы.

Санктпетербургъ, 29 Января 1789.

Государь мой!

Вы конечно первый шакой Док-
торъ, который просишь у кого ни-
будь позволенія, отправишь его на
пошъ свѣшъ. Вы дѣлаете еще
больше, провождаете его въ поля
Елисейскія. Я бы не желала лучше,
какъ идти шуда съ такимъ хоро-
шимъ повариемъ, съ такимъ од-

въ Россію господиномъ Циммерма-
номъ, и за нѣкоторыхъ онъ всегда
просилъ.

накожъ условіемъ, чшобъ мнѣ предоспавлена была полная воля выбирать себѣ общество, которое моглобъ быть очень забавно. Признаюсь, что рѣчь ваша ко мнѣ относящаяся, былабъ довольно мнѣ пріятна, еспьлибъ только я не опасалась, что она слишкомъ легка. Я опвѣщспвовала бы нашо почти сими словами: Мой вѣкъ напрасно меня боялся; я никогда не хотѣла кого-либо пугать, а желала быть любимою и почипаемою, еспьли того спою, и больше ничего. Всегда я думала, что всѣ клеветы на меня происходятъ опъ того, что меня не понимали. Я знала весьма многихъ людей, кои были гораздо меня умнѣе; но никогда ни прошивъ кого не имѣла злобы и никому не завидовала. Мое

желаніе и удовольствіе соспояло
въ томъ, чшобъ дѣлать всѣхъ сча-
спливыми; но какъ всякой хочешъ
быть счаспливъ по своимъ спо-
собностямъ, то желанія мои часно
находили въ томъ препяшствія,
въ коихъ я ничего не понимала.
Конечно не было злоспи въ моемъ
славолюбіи, но можешъ быть, чшо
я слишкомъ много предпринимала,
полагая, чшо люди способны содѣ-
латься разсудительными, справед-
ливыми и счаспливыми. Родъ чело-
вѣческой вообще наклоненъ къ без-
разсудству и несправедливости,
съ коими ни какъ не можно быть
счаспливымъ. Еспьли бы онъ слу-
шался разсудка и справедливости,
тогда бы и въ насъ нужды не было;
чшождъ касаетсѣ до счаспія, то
всякой, шакъ какъ я выше сказала,

понимаетъ его по своему. Я уважала философію, по тому чшо въ душѣ моей была всегда опмѣнною республиканкою; признаюсь, чшо такое расположеніе души съ моею не ограниченою властію покажется можетъ бытъ чуднымъ прошиворѣчіемъ; однакожъ въ Россіи никакшо не скажетъ, чшобъ я власть свою во зло употребляла. Люблю художества по одной склонности. Собственные мои сочиненія почтиаю бездѣлками. Я писала въ разныхъ родахъ, и все написанное мною кажется мнѣ посредственнымъ, по чему и не придавала имъ никакой важности; ибо онѣ служили для меня только забавою. Въ политическомъ моемъ поведеніи старалась слѣдовать начертанію, которое казалось мнѣ полезнѣй-

шимъ для моего Государства и сноснѣйшимъ для другихъ; еспѣлибъ я знала лучшее, конечно предпочла бы оное; Европа напрасно опасалася моихъ намѣреній, кои напрошивъ того для нее были совершенно полезны. Мнѣ часто плашили неблагоуодарносцію, но нико не скажешъ, чшобъ я была не благодарна. Я не рѣдко мспила моимъ непріятелямъ дѣлая имъ добро, или прощая ихъ. Вообще человекство имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ. Теперь кончимъ разговоръ въ царствѣ мертвыхъ и возвратимся къ живымъ.

Труссонъ подъ конецъ осады Очакова опправился въ армію. Вошъ что я объ немъ узнала. Онъ писалъ ко мнѣ два письма жалуясь,

что онъ забытъ, но мнѣ показало-
лось, что орденъ свяшаго Влади-
мира и разныя полученныя имъ на-
гражденія доказывали шому проши-
вное. Можешъ спашься, что онъ
употребленъ былъ не совсѣмъ по
его желанію; можешъ бышь люди,
прибывшіе послѣ его, опредѣлены
были къ другимъ дѣламъ, копорыя
казались ему или виднѣе, или соо-
бразнѣе съ его склонностію. Все
можешъ спашься, но ешо вѣрно,
что до самага отъѣзда его въ ар-
мію былъ онъ употребленъ здѣсь
въ Петербургѣ къ такому дѣлу, ко-
шорое препоручилъ ему покойный
Генераль-Порупчикъ Боуръ, и ко-
шорое посю пору еще не окончено.
Голландцы, возбудившіе его соревно-
ваніе, имѣли свои дѣла въ разныхъ
краяхъ сего обширнаго Государства,

и какъ должно имъ было вѣхашь и преодолѣвашь разныя трудности, то по мѣрѣ своихъ трудовъ и починамъ получали они разныя награжденія, къ копорымъ Капишанъ Труссонъ не имѣлъ кажется равнаго права. Вашъ пріятель господинъ Делюкъ, о копоромъ вы мнѣ пишете, и копорый вмѣстѣ съ вами беретъ участіе въ семъ офицерѣ, (постараюсь сдѣлать для него что слѣдуетъ), извѣстенъ мнѣ по своимъ письмамъ о Швейцаріи, поднесеннымъ Королевѣ Англинской. Не знаю, дѣйствительно ли онъ чшець у Ея Величества, или носитъ только званіе онаго, но въ первомъ случаѣ желаю ошъ всего моего сердца, чшобъ онъ чшеніемъ своимъ успѣлъ уменьшить, разогнать и облегчить горестъ

объемлющую духъ и сердце Королевы, въ разсужденіи болѣзни Королевской. Что касается до (*)
 Для меня доводы его не имѣютъ ни превлекательности, ни убѣжденія; примѣры покоренія Голландіи Прусскимъ войскамъ, снисходительности не предсказываютъ Россіи приспойной дороги, и чтобъ она могла съ честью согласиться на тройное посредничество. У насъ еще не забыли: что во время сомнительней войны,

(*) Здѣсь слѣдуетъ мѣсто политическаго содержанія, которое по многимъ причинамъ выпущено, особливо потому, что о нѣкоторыхъ еще въ жизни находящихся особахъ говорится весьма сильными выраженіями, кои въ тогдашнее военное время были извѣстны.

не смотря на превосходный умъ Короля Прусскаго, на сокровища Англіею истощенныя, на Героевъ начальствовавшихъ арміями, покойный Король долженъ былъ лишиться даже своей столицы, и что въ 1762 году ЕКАТЕРИНА Вторая имѣла честь возвратить сему Государю Прусское Королевство и знашную часть Помераніи.....

Изъ полученнаго мною недавно письма вашего опѣ 16 Генваря вижу, что вы радуешесь взятію Очакова; Фельдмаршалъ Князь Пошемкинъ предпринималъ всѣ способы, такъ какъ и должно, прежде нежели приступилъ штурмовать сію крѣпость. Удобнѣйшее время къ сему предпріятію конечно было то, когда Лиманъ покрывшись льдомъ сдѣлалъ приморскую спо-

рону не приспупною кѣ доставленію помощи осажденнымъ, сверхъ же того и по взятіи города давалъ время взять нужныя предоспорожности для будущаго. Но неперпѣливостъ горячихъ головъ и молодыхъ храбрыхъ людей, также полуголовъ невидящихъ далѣе своего носа, прехъ чешвершныхъ головъ полкующихъ криво, зависпниковъ, враговъ явныхъ и шайныхъ, все сіе въ подобномъ случаѣ конечно еспъ дѣло самое неприяпное, и опъ всего онаго чрезвычайно много должна была перпѣшь швердосъ и поспоянспво Фельдмаршала. Въ моихъ глазахъ дѣлаешъ ему чеспъ величайшую шо, чшо онъ въ числѣ другихъ великихъ и похвальныхъ качеспвъ, имѣешъ еще способностъ прощашъ своимъ не-

пріяшелямъ, дѣлашь имъ добро и такимъ образомъ умѣетъ онъ шоржеспвовашь надъ своими прошивниками. Сей разъ онъ побилъ Турокъ и злословниковъ въ полшора часа. Теперь говоряшь, что онъ могъ бы взять Очаковъ ранѣе; это правда, но никогда съ меньшею неудобностію. У насъ уже не въ первый разъ больные выходятъ изъ гошпишпалей съ шѣмъ, чшобъ идиши на присшупъ, а вы, какъ я вижу, оному удивляешесь — сіе случалось при всякомъ важномъ случаѣ. Любовь къ общеспвенной пользѣ у насъ весьма велика. Когда нынѣшнимъ лѣшомъ Шведскій король напалъ на насъ нечаянно, шо я обьявила въ ближайшихъ помѣщичьихъ деревняхъ, чшобъ они прислали рекрушъ, сдѣлавъ сами между собою

разскладку, сколько каждая деревня дасть можетъ. Чпожъ послѣдовало? Деревня изъ тысячи душъ мужескаго пола прислала ко мнѣ семдесятъ пять прекрасныхъ рекрутъ, другая съ чепырехъ тысячь прислала двѣсти пятьдесятъ; прешья Царскосельская, гдѣ при тысячи кресшьянѣ, прислала чепыреста лошадей съ людьми и повозками для перевозки магазиновъ въ армію. Послѣдніе были во весь финляндской походъ. Но епо еще не все; окрешныя губерніи, и потомъ отъ одной до другой всѣ прочія услышавъ, что на Шведской споронѣ происходишь, предложили мнѣ добровольно дасть по баталіону и по ескадрону съ каждой губерніи. Одна Москва поспавилабъ десяць тысяць человекъ, еспьлибъ

я шолько допуспила. Нашѣ народѣ
родился воинспвеннымѣ и нашихѣ
рекрутѣ обучишѣ очень легко. Дво-
рянспво или служишѣ, или служи-
ло, когда прямая нужда шого во-
спребуешѣ; никогда и ни вѣ какомѣ
случаѣ не говорили еще *нѣтъ*, но
всякѣ бѣжишѣ защищашѣ государ-
спво и Опечесспво; принуждашѣ
нѣшѣ надобности. Прощайше, го-
сударь мой; довольно для сего дня,
будьше здоровы.

П И С Ь М О XXVI.

О шѣ Имперашрицы.

Вѣ Царскомѣ селѣ, 23 Маія 1789.

Государь мой!

Три дни шому, какѣ я получила
письмо ваше ошѣ 18 Апрѣля. Мнѣ

пріятно видѣшь, что вы довольны моимъ отвѣтомъ на вашу рѣчь, въ которой вы предполагали меня въ Елисейскихъ поляхъ; между тѣмъ пока еще не сошла въ оныя, прогуливаюсь много здѣсь, гдѣ въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ все строила, да садила, предоспаляя и поварищамъ дѣлать все худое, которое они могутъ дѣлать и дѣлаютъ. Я очень держусь мнѣнія тѣхъ, или того, кто увѣренъ, что Фридрихъ въпорый никогда не одобрилъ бы поведенія, споль прошивнаго тому, которое онъ наблюдалъ постоянно съ 1762 года. Нынѣ приняли въ полишкѣ правила господина Шоазеля, коимъ Фридрихъ II. очень смѣялся. Всѣ знаютъ, чего намъ стоила политика Шоазелева. Мечшательный

его страхъ о величіи Россіи покрывалъ его страхъ, его ненависть, его зависть и его двоедушіе. Онъ хотѣлъ было вредить мнѣ, но вмѣстѣ съ того обнаружилъ только собственную свою слабость и Турецкую, которую вовлекъ въ хлопоты. У него всегда были на языкѣ вѣсы Европы, сіи мешафизическія вѣсы, отъ которыхъ всегда лишались равновѣсія всѣ державы, опиравшіяся на сихъ словахъ. Они служили ему пускашь пыль въ глаза многимъ, и прикрывашъ виды и намѣренія порочныя и бездѣльныя, когда они заслупали мѣсто правосудія, которое есть основаніе всѣхъ Государствъ и связь человѣческаго общества. Я думаю, и въ томъ увѣрена, что добрая слава кабинетовъ подобна доброй славіи частп-

ныхъ людей; что посѣвающій вражду между своими сосѣдами, не можешъ внушишь къ себѣ довѣренности, ниже заслужишь другой славы, кромѣ приписываемой зажигальщикамъ. Двоедушіе есть худой путь къ славѣ, и употребляющіе оное могушъ только бышь обмануны собственнымъ своимъ дѣломъ; не многіе люди знаюшъ шокмо двѣ вещи въ полишкѣ: лишъ масло на огонь и ловишь рыбу въ мушной водѣ, и вошъ что во всѣхъ сполѣшяхъ было причиною кровавыхъ зрѣлицъ, войнами называемыхъ, гдѣ Государи пылкаго ума, сами, или водимы министрами шаковагожъ расположенія, чувствуюшъ разкаяніе не прежде, какъ пожертвовавъ своими подданными. Надѣюсь, что вскорѣ желанія ваши

исполняшся и Турки, равно какъ и его Шведское величество, будущъ побишы на морѣ и на сухомъ пути; надѣюсь, что шѣ особы, кои ихъ возмушили, кои ихъ подкрѣпляютъ и поддерживаютъ, не преминушъ поздравлять меня съ побѣдой, дабы шѣмъ скрыть свои намѣренія. Я слышала, что пупешествіе короля Аглинскаго опложено до другаго времени.

Не сомнѣвайшесь, чтошѣ приняшя вами лѣкари оспались безъ жалованья; не знаю для чего они не относятся лучше ко мнѣ, а къ вамъ. Написавъ на пакетѣ *въ собственныя руки*, можно бышъ увѣреннымъ, что всякой Почтѣ - Амшѣ обязанъ *въ собственныя руки* оной доставишъ. Я очень одобряю подарокъ, предложенный вами госпо-

дину Гроссу для лѣкаря, копорый помогалъ вамъ въ выборѣ людей, къ намъ опѣ васъ присланныхъ.

20. Іюля.

Сіе письмо по разнымъ причинамъ пролежало у меня на столѣ и дождалось вашего опѣ двѣнадцатаго Іюня. По нашимъ примѣчаніямъ видно, что Селимъ прешій принимается за жестокость и безчеловѣчіе, слѣдовательно трудно сдѣлаться ему вашимъ и моимъ героемъ; еспьли онъ безмозглый, то связь его съ будетъ опѣ того естесшвеннѣе! Одинъ будетъ давить своихъ пашей, а другой вольности и испинну въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ, и каждый изъ нихъ найдетъ себѣ одобрителей и удивляющихся, а сверхъ того и помощь и защищеніе въ ложной по-

лишикъ, овладѣвшей нынѣ разными дворами въ Европѣ, кои думаютъ, что вступили на дорогу блистательную, между тѣмъ какъ въ насъ видѣ они приготавливаютъ себѣ обширное поле, которое рано или поздно прямо доведетъ ихъ до гибели. Но мои зависники не знаютъ никакихъ предѣловъ своему недоброхотству, и стоишь того посмотришь, кто изъ насъ на послѣди посмѣется. Справедливостъ требовала, чтобъ князь Попемкинъ и его армія были награждены за отличную свою службу. Генералъ Каменской исполненъ жару и ревности. Если вашъ дворянинъ излѣчитъ отъ безумія, то онъ окажетъ великую услугу человечеству; надобно, чтобъ онъ постарался сдѣлать

менѣе несправедливымъ, менѣе зараженнымъ подтверждашь, одобряешь и возбуждаешь несправедливости и глупости Польскія. Въмѣсто того, чѣмъ воспользоваться наступавшею жапвою въ Польшѣ, мы выводимъ опшуда всѣ свои магазины, и я вамъ обѣщаю, что опѣ сего Польша не продасѣ ни одного чешверика своего хлѣба нашей арміи; Польша поперяетѣ миліоны и никѣ ейне возвратитѣ оныхъ, пошому чѣмъ никому не лѣзя употребитѣ больше обыкновенной своей надобности, ниже заплашитѣ Польшѣ ея убытокъ. По сихъ поръ въ Финладіи были одни сшибки на форпоссахъ, кои ежедневно возобновляющяся, и по окончаніи похода скажемъ, чѣмъ произвели оныя. Адмиралъ Чичаговъ побѣхалъ искашь

Шведскаго флота, но еспьли оный скрылся съ своими оспашками вь Карлскронѣ, то онѣ уже не найдешѣ его вь морѣ, и принужденѣ будешѣ возвратишья не нашедши онаго. Я буду сообщать вамѣ новоспи, кои съ Юга и Сѣвера получають спашу, еспьли только они того спашать будутѣ. Никогда не было у меня вь головѣ сдѣлаться Императрицею Грековѣ или Греціи; я умѣю себя ограничивать. Но желаю, чшобѣ Греки содѣлались свободными и счаспливыми подѣ власпю Государя Хриспianскаго, ихѣ исповѣданія, и чшобѣ они престали спешать подѣ игомѣ ужаснымѣ и безчеловѣчнымѣ. Сіе письмо отправишья съ курьеромѣ. Благодарю за желаніе ваше вь мою пользу, и

будыше убѣрены въ моемъ почше-
ніи. Прощайте. (*)

П И С Ь М О XXVII.

Ошѣ Императрицы.

Санктпешербургѣ, 26 Генваря 1791.

Господинѣ Циммерманѣ! Я полу-
чила ваше письмо ошѣ 8 генваря но-
ваго ст: и оно сдѣлало мнѣ вели-
кое удовольствіе нѣми чувствована-
ніями, кои вы мнѣ изъясляе-
те. Есшлы произшествія, бывшія

(*) Издашель оригинальныхъ писемъ при-
мѣчаетъ, что хопя и прежде мно-
го уже выпущено имъ было сей пере-
писки, но здѣсь выпускаетъ онѣ
вдругъ нарочитое число писемъ, за-
ключающихъ въ себѣ около двухъ
лѣтъ времени, и помѣщаетъ нѣс-
колько изъ достопамятнаго періода,

въ печеніи осмнадцатаго сполѣпія, доспавили Россіи славу, еспьли, по вашимъ словамъ, зависпники часшо были поражаемы оными опѣ уди-вленія, шо не надобно искашь шо-му другой причины, кромѣ самыхъ козней и ухищреній враговъ сея Имперіи; которые, желая причи-нить ей великія бѣдспвія, прину-дили ее опкрышь способы, о ко-ихъ никто не думалъ, по шо-му чшо главные учаспники въ семъ

когда угрожала новая опасность, чшо пламя войны распроспранишь далѣе и Императрица вступишь въ войну и съ Англією; однакожь по-слѣдовавшій миръ опвратилъ оное. Въ слѣдующихъ письмахъ всякъ по-дивилъя непоколебимой швердосши, шакъ же благородшву и величію ха-ракшера Императрицы.

предпріятіи знали Россію худо и еще хуже ея пособія. Войны на насъ воздвигнушыя никогда не имѣли другаго дѣйствія, какъ только сдѣлали наши войски побѣдоносными и помогли намъ сполько подашься въ передъ, что послѣ семилѣтней войны и послѣ первой войны съ Поршою я имѣла честь возврашшь блистательной Поршѣ приобласти, вдвое больше Прусскаго Королевства, и несравненно лучше климатомъ и мѣстоположеніемъ, кромѣ Тавриды и острововъ Архипелагскихъ. Не взирая на все оное говорили тогда, шакъ какъ говоряшъ и шеперь, что у насъ нѣтъ ни денегъ, ни войскъ, ни пособій. И тогда плашили и шеперь плашимъ газетчикамъ, чшобъ они писали безразсудныя зашъи, при

писывая ихъ Россіи, будто она старается разрушить всѣ правительсва кознями, деньгами, или силою. Здѣсь они сами себѣ противорѣчатъ, ибо у кого нѣтъ ни денегъ, ни силы, — шопъ не можетъ давать первыхъ, ниже употреблять послѣдней. Козни суть средства слабыхъ, клеветы же злобныхъ. Ни тѣ, ни другія не пристойны великой Имперіи, и противны опкровенности, правотѣ и величію души, кои всякъ желаетъ видѣть въ особахъ, поставленныхъ къ управленію судьбою человѣческою, и вопъ однакожъ чѣмъ хопяшъ насъ винить. Богъ вѣдаетъ, что не я ухищряю, и что намѣренія мои не злы и не подлы. Но также увѣряю, что ни какая сила человѣчккая не принудитъ ме-

ня сдѣлашь что либо прошивное пользѣ моей Имперіи и несообразное достоинству короны, которую ношу, а впрочемъ что Богу угодно. Вражда къ Россіи въ нѣкоторыхъ людяхъ споль далеко простирается, что они ненавидящѣ даже и частныхъ людей. Наслышась ихъ рѣчей и сочиненій, скажешъ иной, что у насъ нѣтъ людей ни въ какомъ родѣ, даже и военныхъ. Однакожъ кажешся, что наши Генералы должны бы имѣть нѣкоторое право на ихъ почтеніе, служивъ въ шолкихъ войнахъ, выигравъ сполько сраженій, взявъ сполько городовъ, побивъ сполько войскъ въ Европѣ и Асіи, завоевавъ сполько обласпей, что на свѣшѣ много цѣлыхъ поколѣній, копорья сдѣлали и видѣли меньше, нежели у

насѣ одинѣ челоуѣкѣ. По крайней мѣрѣ не погрѣша прошивѣ справедливости надлежало бы приписать имѣ нѣкошорую опытность, соединенную съ благоразуміемѣ, нужнымѣ для преодолѣнія своихѣ непріятелей. Можетѣ бытъ для шого считающѣ насѣ безѣ денегѣ, чшо мы вынимаемѣ оныя изѣ сундуковѣ своихѣ безѣ всякихѣ при шомѣ обрядовѣ, коибѣ придавали шому важность. И што еще правда, чшо казначейства помѣщены не вѣ самыхѣ погребехѣ моихѣ покоевѣ, а какѣ сіи, думаю, пусшы, шо и говорящѣ, чшо они не наполнены, и вѣ семѣ случаѣ говорящѣ правду. Но до сихѣ порѣ, слава Богу, когда надобны были деньги, мы давали ихѣ безоспановочно. Налоговѣ не налагала, а войски всегда были на

военной ногѣ, содержатъ же ихъ другимъ образомъ у насъ и не знаютъ. Впрочемъ, я очень миролюбива и желаю мира со всѣми моими сосѣдами; не имѣю намѣренія начинать ни съ кѣмъ: но коль скоро на меня нападутъ, то кажется уже доказала, что защищаюсь умѣю. Думаю, что легче всего имѣть дѣло съ неблагодарными; правое дѣло есть первая ступень къ славѣ, и чтобъ ни говорили, ни что въ свѣтѣ не можетъ прикрыть несправедливыхъ поступковъ, еще меньше высокомерія въ глазахъ даже современниковъ, а еще меньше въ глазахъ потомства. Если на меня нападутъ, то буду сражаться одна, или съ моими союзниками. Вы можете быть увѣрены, что ни на что болѣе не по-

лагаюсь, какъ на единую помощь Божескаго благословенія, на мое правое дѣло, и на усердіе моихъ подданныхъ, коихъ я ходашай, и копорые конечно не покоряшся никакому повелѣнію, кромѣ моего, основаннаго на ихъ пользахъ и на достоинствѣ моея власти. Наконецъ желашельнобъ было, чшобъ по словамъ вашимъ, за всѣми хитрыми зашѣями полишики и за шумомъ сраженій послѣдовала пишина. Никшо не имѣешъ въ помѣшаккой нужды, какъ бѣдные Турки, кои уже при послѣднемъ концѣ, и копорыхъ проводятъ пустыми обѣщаніями, какъ можно долѣе. Они погибнутъ безъ сомнѣнія, ешъли шолько война продолжшся; сколько ни хошятъ обманывашся ихъ судьбою, однакожъ кшо не на-

ходитѣ помощи въ себѣ самомѣ,
 шопѣ не можешѣ ее найши индѣ;
 сколько ни распочаюшѣ всевозмо-
 жныхѣ сокровищѣ, однакожѣ невос-
 кресяшѣ шѣмѣ ни одного умерша-
 го. Но полно ужѣ писашь. Благода-
 рю васѣ за поздравленіе съ но-
 вымѣ годомѣ, желаю чшобѣ онѣ
 былѣ и для васѣ счастливѣ. Прія-
 шель, въ копоромѣ вы принимаете
 учасшіе, получишѣ опсрочку своего
 оппуска. Прощайте, будьте здо-
 ровы.

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО XXVIII.

Отѣ Императрицы.

Санктпетербургѣ, 19 Апрѣля 1791.

Господинѣ Циммерманѣ! Извини-
 те меня, что я до сихѣ порѣ не

опвѣспивовала на письмо ваше отъ
29 Марта. Мнѣ было очень не до-
сугѣ, а особливо на сихъ дняхъ,
въ кои я со всею дѣятельностію
занималась разпоряженіями, какъ
мнѣ должно будетъ принять силь-
ный Аглинскій флотъ, которъ
вскорѣ насъ посѣтитъ. Увѣряю
васъ, что дѣлаю все человѣку воз-
можное и въ моей власти состоя-
щее, чтобъ принять оный приспой-
нымъ образомъ, и надѣюсь, что
пріемъ во всѣхъ частяхъ будетъ
полный. Какъ скоро онъ пройдетъ
Зундъ, то думаю, что не ловко уже,
писаць ни вамъ ко мнѣ, ни мнѣ
къ вамъ, и какъ, по мнѣнію моему,
черезъ нѣсколько дней получу из-
вѣстіе о прибытіи Аглинскаго фло-
та въ Балтійское море, то сего-
дни съ вами прощаюсь. Однакожъ

въ замѣнѣ того ласкаю себя, что вы обо мнѣ услышите, водою или сухимъ пушемъ сдѣлающѣ на меня нападеніе, но ни въ какомъ случаѣ не услышите, чтобъ я приснула къ какимъ либо недоспойнымъ средствамъ, кои мнѣ предписаны осмѣляясь. Прощайте, будьте здоровы.

ЕКАТЕРИНА.

П И С Ь М О XXIV.

Отъ Императрицы.

Въ Царскомъ селѣ, 6 Іюня 1791.

Государь мой!

Я рада, что до сихъ поръ наша переписка еще не прервана, и какъ Аглинской флотъ, сколько знаю, не прошелъ еще чрезъ

Зундъ, що могу опвѣчать на ваше письмо отъ 24 маія. Довольно знаю Исторію Англіи, знаю чшо Великобританскій Парламентъ, лучше сказашь большинство голосовъ, всегда въ рукахъ у Министерства, и пока оное тамъ будетъ, шо никакіе доводы не успоюшъ прошивъ его мнѣнія. Знаю такъ же и шо, чшо всякій министръ, желающій сохранишь свое мѣсто, всегда благоразумно посшупишъ, когда свои предпріяшя будетъ соображашь съ общимъ желаніемъ народа, потому чшо ешъли посшупишъ иначе, шо можетъ лишиться большинства голосовъ и мѣста. Впрочемъ во всю мою жизнь я очень дорожила поштеніемъ Англинскаго народа, думала такъ же, чшо могу льспишья дружбою и Двора. Сіе предубѣжде-

ніе пишала я вѣ себѣ до тѣхъ порѣ,
пока поведеніе господина Енсли и
чрезвычайное пристрастіе всѣхъ
политическихъ чиновниковъ при ра-
зныхъ дворахъ, извѣявленное со
спороны Англіи за Турокъ и
прошиву Россіи, заспавили меня
думашъ совсѣмъ прошивное. Сіе
предубѣжденіе очень сильно, по по-
му что оно гошово уничтожитъ всѣ
старыя правила, о коихъ, сколько
я знаю, никшо до сего времени и
не думалъ; ибо коль скоро между
Росіею и Англіею соспоятъ взаи-
мныя и непреложныя опношенія,
шо они не иначе могутъ бышь за-
бышы, какъ по личной ненависпи,
про кошорую я смѣло скажу, что
вѣ ней нѣтъ никакой цѣли и мало
Христіанства; эшо называешся,
ощащъ себя спрасшамъ другихъ.

И такъ сіи люди споль шеперь при-
спраспные, спраждупь сами подь
пьяжестію собспвенныхъ своихъ
козней, и былибь весьма счаспли-
вы, еспьлибь скорѣ могли опь
шого освободиться. Но какой оп-
чепь должны они будупь опдашь
Богу и попомспву, еспьли по сво-
имь безчеловѣчнымь прихошямь
они прольупь еще испочники не-
повинной крови; за кого? за пре-
красныхъ Турокь, за Очаковскую
спепь, за сіе смѣшное равновѣсіе,
кошорое сія спепь перевѣшиваеть.
Они гораздо лучшебь сдѣлали,
еспьлибь пособили Нѣмецкимь кня-
зьямь укрѣпиться вь помь, чпо
имь ушверждено Веспфальскимь
миромь, и на сей конець соеди-
нишься съ шѣми, кои моглибь
имѣшь голось вь собраніи чиновѣ

Имперскихъ; все сіе моглобъ почесться
должноспью всякаго князя, имѣ-
ющаго участіе въ уложеніи Нѣме-
цкой земли, и шаковое дѣло былобъ
справедливо и почпенно. Я нико-
гда не любила бога войны, нико-
гда ни на кого не нападала, но за-
щищаюсь умѣю. Вы полько одни
почищаете меня споль храброю,
чпожъ касаеться до моихъ собра-
тій, шо они конечно не имѣютъ
споль хорошаго обо мнѣ мнѣнія;
ибо всегда охопяшя пугашь меня.
Еспьли смѣю сказаць, шо дѣлаюшъ
сіе по недоспашку здраваго рассу-
дка; ибо возможноль мнѣ спра-
шишься, управляя народомъ, кошо-
рый цѣлые спо лѣшъ побиваетъ
своихъ непріятелей. Всѣмъ шако-
вымъ неучшивоспямъ прошивопо-

лагаю правопу и умѣренность, а
впрочемъ:

Боюся бога, любезный Абнеръ, инаго страха
не знаю.

Расинъ.

Пусть будешь то, что слу-
чилось, но я не могу иначе поступи-
пать. По моему мнѣнію, справе-
дливосшь, истинна и разсудокъ
суть броня неприкосновенныя. Про-
щайте, будьте здоровы.

ЕКАТЕРИНА.

ПИСЬМО XXX.

Отъ Императрицы.

Санктпешербургъ, 16 Генваря 1791.

Господинъ Циммерманъ! Изъ пи-
сьма вашего отъ 9 Сентября вижу,
что вы радуешесь вмѣстѣ со мною
о предварительныхъ шагахъ, за-

ключенныхъ между княземъ Репни-
нымъ и великимъ Визиремъ, и я
шому очень рада; благодарю за ва-
ше по сему случаю поздравленіе.
Я и въ самомъ дѣлѣ не думала,
чтобъ въ Іюль мѣсяцѣ говорили
обо мнѣ, что нахожусь при послѣд-
немъ концѣ, когда напрошивъ
шого каждое утро и вечеръ про-
гуливалась въ садахъ Царскосель-
скихъ, обыкновенно съ многочисле-
ннымъ обществомъ, почему и пре-
дполагаю, что такія извѣстія при-
ходящъ не изъ Петербурга, а ку-
ющъ ихъ не знаю точно въ какомъ
мѣсцѣ, но только въ Германіи. И
такъ, еслии зависъ куешъ сіи но-
вости, то совсѣмъ не знаю, гдѣ
она имѣетъ свое пребываніе. *Ува-
женіе Английскаго народа всегда было
мнѣ пріятно, признаюсь также,*

чшо и мое кѣ нему предпогтеніе бы-
 ло несуетное. Я согласна съ мнѣ-
 ніемъ Эдмунда Бурке, а особливо
 въ сказанномъ имъ о безначаліи
 Французскомъ; разрушишь оное,
 значишь приобрѣсшь себѣ безсмер-
 тную славу, и я не сомнѣваюсь,
 чшобъ сія слава не предоспавлена
 была

 и шѣмъ окажешъ весьма
 важную услугу чловѣчеству, кошо-
 рое будешъ ему за шо обязано, по
 тому чшо онъ ушвердишь снова
 повиновеніе и благоденствіе наро-
 довъ. Сверхъ того, изъ всѣхъ со-
 прошивленій безначаліе есшь, безъ
 сомнѣнія, самое слабое

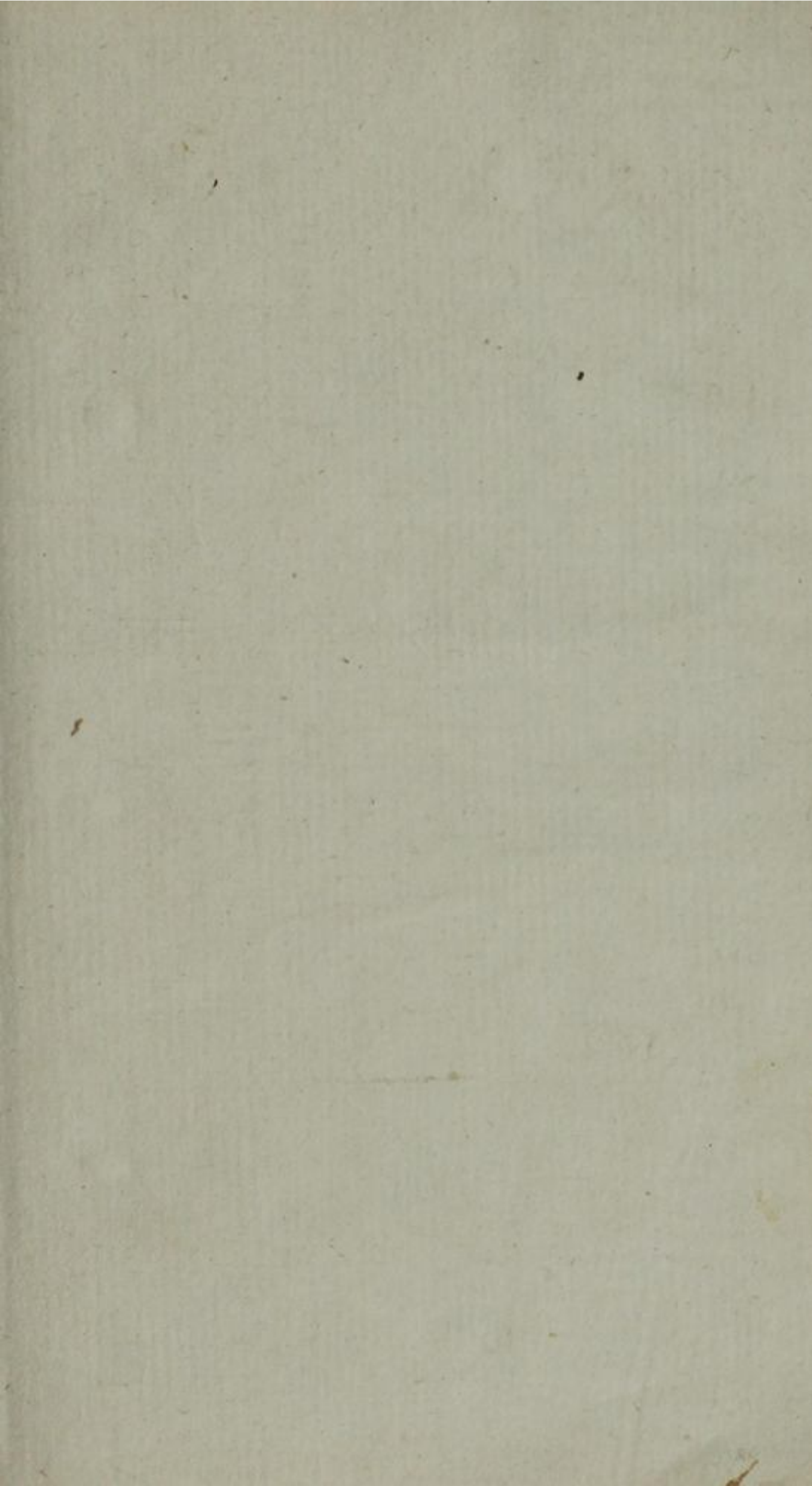
 Однакожъ прощайше; я дѣ-
 лаю предположенія въ чужихъ дѣ-

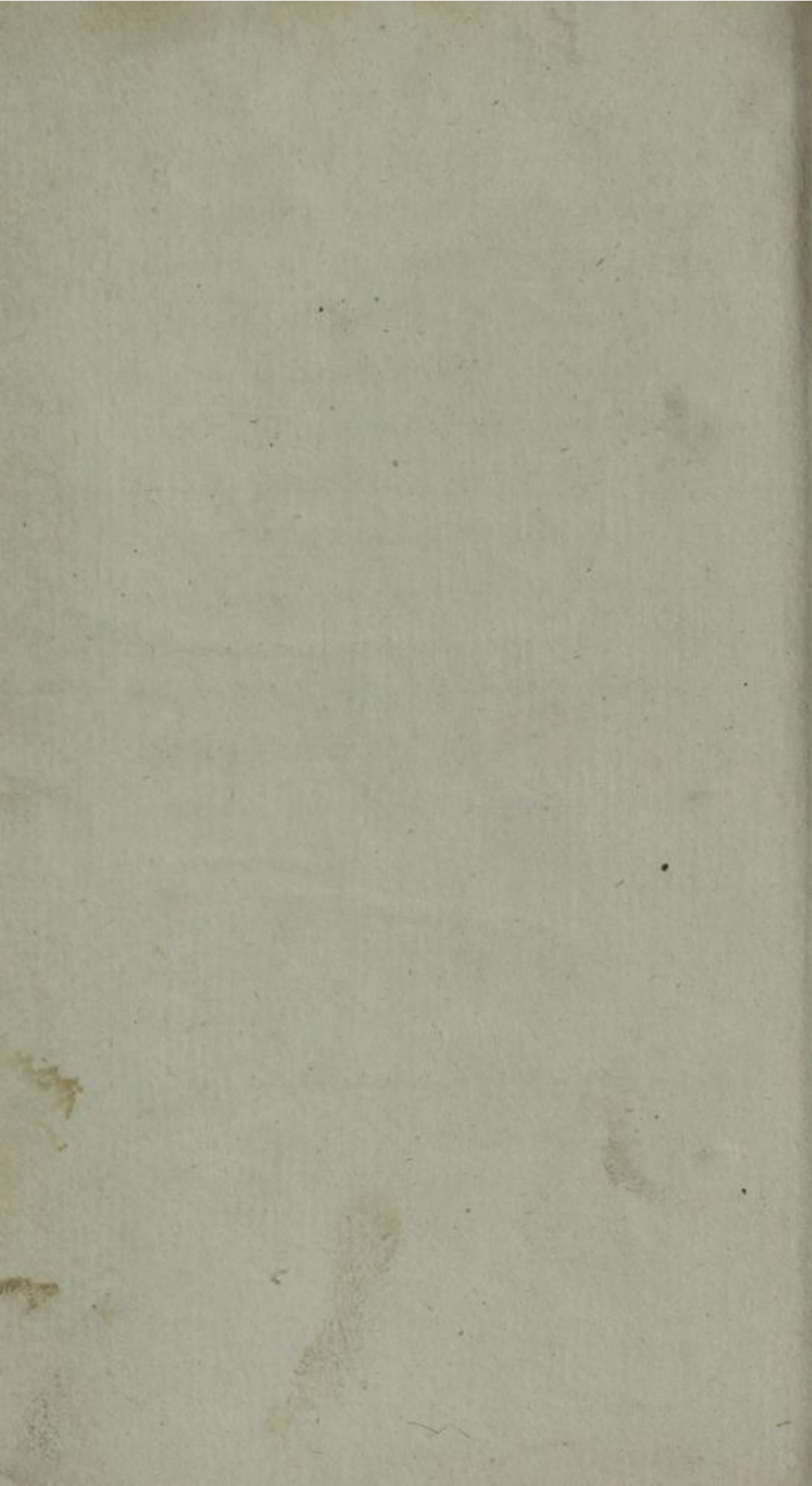
лахъ, между тѣмъ какъ мнѣ надобно думать только о своихъ собственныхъ. Но матерія обширна и трудно не заняться ею. Дѣла короля Французскаго касающія до всѣхъ Государей, и его оскорбленное достоинство пребудетъ порожественнаго возстановленія

 Но полно ужъ писать, мнѣ надобно идти одѣваться.

ЕКАТЕРИНА.

К о н е ц ъ .

15-00

